
РАДОМИР
ВЕЛЕСИЧ
ДОЛИНОЙ
МРАЧНОЙ ТЕНИ
СЕРИЯ "МАГИСТР" КНИГА ТРЕТЬЯ

Радомир Велесич
Долиной мрачной тени

https://litres.ru/74800854
SelfPub; 2026

Аннотация

Ему отмерена жизнь длиною в вечность. Она сумела встретить лишь семнадцатую весну. Однажды их пути пересекаются — и время, вечно равнодушное к мольбам, впервые замирает в нерешительности.

Она борется за каждую оставшуюся в песочных часах песчинку. Он — за право не подчиняться никому, даже той силе, что течёт в его жилах и шепчет веления, исходящие свыше. Столетие за столетием он идёт против замысла, стоявшего раньше него, — и платит за это тем, что навсегда остаётся чужим среди живых.

В ней он видит себя — того, кем был, когда впервые осмелился просить у судьбы отсрочки. И, спасая её, он на самом деле пытается спасти себя.

Но у всего есть цена. И когда час расплаты близок, встаёт вопрос, на который нет ответа ни в одном заклинании: что можно отдать за жизнь — свою или чужую? И существует ли победа в борьбе с тем, что предначертано?

А может, судьба лишь делает вид, что проигрывает.

Радомир Велесич
Долиной мрачной тени

РАДОМИР ВЕЛЕСИЧ
ДОЛИНОЙ МРАЧНОЙ ТЕНИ

Часть 1

Глава 1

Облако молочно-белого дыма плавно поднималось вверх, путаясь в ветвях английского клена, нависших над верхними скамьями трибуны, отделявшей стадион от здания школы. А по широким проходам уже бежала, сердито поджав тонкие губы, мадам Уинстон. Женщина запыхалась и от того ее негодование выглядело несерьезным и даже смешным.

- Мэри-Энджела! – завопила она, забравшись на верх трибуны. – Это уже переходит всякие границы!

Женщина продолжала кричать и размахивать руками, но девушка с выбеленным перманентом коротким ежиком на голове ее не слушала. Медленно затянувшись сигаретой, она выпустила изо рта новое облако дыма и, запрокинув назад голову, устало прикрыла глаза, предпочитая не тратить силы и эмоции на препирательства с классной дамой. И даже, когда женская рука грубо схватила ее за локоть и потащила вниз с трибуны, она не стала ничего говорить в ответ на бес-

прерывный поток, пусть и весьма интеллигентной, но все-таки брани в ее адрес.

Через пять минут она уже сидела на обитой бежевым кожзаменителем скамье у дверей директорского кабинета, из-за которых отчетливо доносился разъяренный голос мадам Уинстон. Наконец, голос стих и почти сразу дверь распахнулась, и девушка привычно зашла в кабинет.

- Садись, Мэри-Энджела, - холодно произнесла седовласая женщина в строгом костюме чернильного цвета.

- Эджей, - поправила девушка и уронила себя на стул, стоявший перед директорским столом и, не поднимая взгляда, бросила на колени холщовую сумку с парой учебников и несколькими тетрадями внутри.

- Мэри-Энджела, ты опять принялась за старое? – намеренно проигнорировав слова девушки, спросила директриса, когда мадам Уинстон вышла за дверь. – Чем, на этот раз, не угодил тебе мистер Макконахи?

- Тем, что он кретин, - буркнула себе под нос девушка, но директриса ее явно услышала.

- Ты сорвала урок! – нарочито громко заявила женщина, положив сцепленные замком руки перед собой на стол. – Мистер Макконахи – старейший преподаватель школы, у него никогда не было конфликтов с учениками. Но ты, из раза в раз, срываешь его уроки. Что с тобой не так? Или его требования к тебе какие-то особенные?

- Я всего лишь сказала, что не буду препарировать лягуш-

ку, - девушка подняла на директрису упрямый взгляд серых глаз. – Меня тошнит от подобного, но этот кретин швырнул мне жабу в лицо!...

- Прекрати! – резко оборвала ее директриса и ударила кулаком по столу. – Ты могла спокойно отказаться от выполнения работы и объяснить свою позицию! Но ты перевернула поднос с препаратами, разбила дорогостоящий микроскоп и оскорбила уважаемого преподавателя!

Директриса поправила рукой прическу, переводя дух, чтобы успокоиться, и вновь посмотрела на девушку.

- Я вызвала в школу твою мать, - холодно заявила она. – Боюсь, нам придется поставить вопрос о твоем отчислении. Ты срываешь уроки, прогуливаешь, куришь. Ты асоциальна. Твоя мать так старалась, чтобы устроить тебя в нашу школу в середине учебного года. Почти вся преподавательская коллегия, ознакомившись с твоим личным делом, была против этого. Но мы пошли на встречу, приняв во внимание нюансы с твоим здоровьем. Ты, видимо, не умеешь быть благодарной…

- Вам самим не тошно от сознания вашей благодетельности?...

- Хватит! – директриса вскочила с места. – Это уже форменное безобразие! Выйди вон!

- Окей! – раздраженно бросила девушка и, почти отшвырнув в сторону стул, вышла из кабинета и, недовольно насупившись, направилась из приемной по гулкому коридору на

улицу.

Уже выходя из дверей школы, она нос к носу столкнулась с матерью. Еще довольно молодая и вполне красивая стройная женщина впилась в дочь бесконечно уставшим взглядом, полным ярости и отчаяния. Но лишь на пару секунд.

- Иди в машину, - сухо велела она, сунув в руку девушки связку ключей, и направилась дальше по коридору.

Эджей, проводив ее взглядом, вышла на улицу и, сев в припаркованный вдоль дороги старенький красный седан, достала из сумки пачку сигарет и, блаженно закатив глаза, закурила.

Все это далеко не в первой. За последние два года за ее плечами, было уже четыре школы. Из каждой ее выгоняли со скандалами. Именно поэтому, в голове девушки никак не укладывалось, каким образом мать, всю жизнь проработавшая секретаршей по всевозможным мелким юридическим и инженерным конторкам, и не имевшая ни больших заработков, ни влиятельных друзей, сумела устроить ее в элитную школу при университете Вердже. Но еще более непонятным казался сам факт того, что мать упрямо продолжала бороться за свою безнадежную, по мнению преподавателей, дочь.

Она сделала глубокую затяжку и медленной струйкой выпустила дым в приоткрытое окно. Когда же из дверей здания показалась ее мать, в необычно строгом сером костюме, она не пряча сигарету, затушила ее об асфальт, приоткрыв дверцу, и бросила окурок в стоявшую на тротуаре урну.

- Ты знаешь, я запрещаю тебе курить! – яростно бросила мать, сев в машину и включив зажигание. – Тем более в машине!

Машина тронулась с места и рьяно выехала на дорогу.

- Я же просила тебя! – мать посмотрела на дочь, не скрывая злости. – Неужели так трудно было хотя бы сегодня обойтись без скандалов? Ты хоть представляешь, чего мне стоило устроить тебя в эту школу?!

- Я тебя не просила, - сухо ответила девушка и отвернулась.

- Она не просила! – воскликнула мать, в бессмысленной ярости ударив руками по рулевому колесу. – Я предупреждала, у меня сегодня важное собеседование, на которое я из-за тебя опаздываю. Если я не получу эту работу, мы останемся без средств к существованию! А твоя медицинская страховка давно высосана до капли!

Она замолчала. Машина выехала на дорогу, ведущую в пригород, и помчалась на максимальном ходу. За окнами мелькали холмы и небольшие пролески, невысокие каменные изгороди и редкие дорожные указатели. Эджей оторвала взгляд от окна и посмотрела на мать.

Та сосредоточено вела машину, вцепившись в руль так сильно, что костяшки ее тонких пальцев побелели. Рыжие волосы изящно уложенными локонами обрамляли бледное худощавое лицо, а подведенные черным карандашом карие глаза блестели влагой.

- Мам, - тихо позвала Эджей, положив руку на плечо матери. – Ну, ты же сама понимаешь, что все это бессмысленно…

- Нет, - упрямо сказала женщина, не глядя на дочь. – Еще есть шанс.

- Какой? - грустно усмехнулась девушка, вновь обратив взгляд к окну.

- Мы должны попробовать, если меня примут, мы еще раз…

- Еще один курс?... Ну уж нет! Я думала, что уже после второго сдохну…

- Не говори так! – почти выкрикнула мать и резко ударила по тормозам, остановив машину на небольшой гостевой парковке возле тяжелых кованых ворот, преграждающих проезд в высокой каменной изгороди, увитой плющом.

Она вышла из машины и, подойдя к воротам, нажала на кнопку домофона.

- Да, - ответил немного скрипучий из-за помех мужской голос.

- Добрый день, это Кэтрин Браун, я на собеседование.

- Оставьте машину на парковке и проходите к северному флигелю, вас встретят.

Домофон протяжно пискнул, выключаясь, и ворота начали открываться.

- Пойдем, - Кэтрин взяла дочь за руку и потащила вперед.

- Может, я в машине подожду? – предложила Эджей.

- Нет уж, пойдешь со мной и будешь вести себя прилично!

Кэтрин, все еще держа дочь за руку, прошла по отсыпанной мелким гравием дороге до северного флигеля, где у дверей уже стояла радушно улыбающаяся женщина лет пятидесяти пяти.

- О, Кэти! Ты взяла с собой Мэри? Что-то случилось?

Женщина по-дружески обняла Кэтрин за плечи и открыла дверь, предлагая пройти в дом.

- Не спрашивай, Джен, - Кэтрин остановилась у высокого зеркала в обширной прихожей и, достав из небольшой дамской сумочки пудру, спешно поправила макияж. – Чудо, что мы продержались в этой школе почти пол учебного года, - она бросила на дочь сердитый взгляд.

- Что-то серьезное? – старая женщина встревожилась. – Не ладится с преподавателями?

- У Мэри всегда что-то не ладится, ей вечно все не то!

- Ну, может, это стресс, - предположила женщина, ободряюще улыбнувшись. – Вы же уже столько месяцев по гостиницам. Но, дай бог, сегодня все устроится.

- Я очень надеюсь, - Кэтрин заставила себя улыбнуться в ответ.

- Пойдем, - Джен махнула рукой, предлагая следовать за собой. – Ты сильно опоздала, а хозяин не любит ждать. К тому же у него в четыре была назначена личная встреча, которую он отменил, понимая, что ты едешь по моей рекомендации.

Джен провела гостей через просторный холл, объятую по-

лумраком гостиную и остановилась в залитой солнечным светом комнате, явно служившей приемной.

В этой комнате слева от деревянных дверей кабинета стоял большой письменный стол с аккуратными стопками одинаковых папок, расставленными в идеальном порядке канцелярскими принадлежностями, небольшой лампой на гибкой штанге и стандартным офисным телефонным аппаратом. Рядом, у стены, под большой картиной, изображавшей какое-то, явно эпическое, сражение, стоял изящный, обтянутый плотной атласной золотисто-коричневой полосатой тканью диван. А стена напротив, образованная рядом высоких окно, закрытых полупрозрачной вуалевой шторой, открывала вид на прекрасный розовый сад в дивном викторианском стиле.

- Присядьте, - предложила Джен, указав на диван и, подойдя к дверям кабинета, постучала и через пару секунд зашла внутрь.

- Лорд Монрат, приехала Кэтрин Браун, о которой я говорила, - послышалось из кабинета.

- Она опоздала, - заметил спокойный мужской голос.

- Она приносит вам свои извинения, Кэтрин пришлось заехать в школу за дочкой.

- Хорошо, пригласи ее.

Джен вышла в приемную и ободряюще улыбнулась Кэтрин.

- Проходи.

Кэтрин подошла к дверям и, оправив длинную узкую юбку и застегнув пуговицу пиджака, вошла в кабинет, как и приемная, залитый ярким солнечным светом, льющимся из таких же высоких окон.

Кабинет оказался не очень большим, но обставлен был с поистине аристократичной сдержанностью. За исключением письменного стола, украшенного резными горельефами, обтянутого кожей кресла за ним, двух стульев с высокими спинками напротив, и небольшого диванчика в стороне с журнальным столом, в кабинете не было ничего. Разве что все стены занимали книжные шкафы со стеклянными дверцами, в тонких рамах из красного дерева.

- Сядьте, - велел сидевший за столом мужчина, пристально разглядывавший Кэтрин.

Она учтиво кивнула и села на один из стульев возле стола. Мужчина долго ничего не говорил. Явно обдумывая что-то, он вертел в руках золотую перьевую ручку. Кэтрин, стараясь не глядеть в упор, все же пыталась его рассмотреть. Мужчина не был стар, на вид ему было около сорока пяти - пятидесяти, но в длинных пепельно-серых волосах не было ни единого следа седины. Острые холодные серо-зеленые глаза пристально изучали ее. Черты довольно бледного гладко выбритого лица строгие. Ворот белой плотной хлопковой рубашки расстегнут на одну верхнюю пуговицу, и Кэтрин видела как на сухой жилистой шее его пульсирует артерия.

Наконец, мужчина, слегка ударив торцом ручки по стеклу,

закрывавшему столешницу, произнес:

- Почему вы хотите работать на меня?

- У меня хороший опыт референтской работы, отличные рекомендации от прежних работодателей, - машинально ответила она, заранее подготовленной фразой. – Я ответственная и исполнительная…

- Не сомневаюсь, - прервал ее он. – Если бы это было не так, Джен не стала бы так настойчиво рекомендовать вас, - он опустил взгляд вниз и открыл лежавшую на столе папку с резюме Кэтрин. – Вам тридцать пять?

- Да.

- Я предпочитаю нанимать более зрелых работников, - он отодвинул резюме в сторону и вновь поднял взгляд на замершую Кэтрин. – К тому же, у вас есть несовершеннолетняя дочь, из-за которой, я так понимаю, вы и опоздали сегодня. Мой же образ жизни связан с периодическими разъездами и мой личный помощник должен всегда быть рядом. Как вы собираетесь сочетать работу с ролью матери?

Кэтрин явно встревожилась, тяжелый взгляд мужчины, казалось, видел ее насквозь.

- Моя дочь вполне самостоятельна, к тому же я устроила ее в школу при вашем университете… - спешно начала отвечать она, но запнулась на середине фразы, не в силах отвести взгляда от его серо-зеленых пронзительных глаз.

- Зачем вы здесь? – в упор спросил он.

- Лорд Монрат, я… - она судорожно вздохнула, пытаясь

унять нахлынувшее волнение. – Моя дочь…

Резко распахнувшаяся дверь кабинета прервала ее на полуслове. Она обернулась, в дверях стояла невысокая женщина, на вид ровесница самой Кэтрин, в облегающем бледно розовом платье с округлым неглубоким вырезом на груди и пышными пепельно-русыми волосами изящно-небрежно прибранными на затылке заколкой. Женщина уверенно прошла через кабинет, простучав высокими шпильками явно дорогих замшевых туфель по паркетному полу, и, не обратив на Кэтрин ни малейшего внимания, подошла к мужчине и села на край стола лицом к нему.

- Ты не встретил меня в аэропорту, - сходу, без приветствия, заявила она, упершись затянутой высокой розовой перчаткой рукой в столешницу.

Кэтрин почти перестала дышать, физически ощутив, переполняющий мужчину гнев. Но внешне он оставался спокоен.

- Монрат! Ты даже не прислал за мной Марвина! Мне пришлось добираться сюда на такси! – возмущенно воскликнула женщина. – А ты знаешь, как я не люблю такси!

- Луиза, - все также спокойно произнес он, и Кэтрин заметила, как женщина в розовом платье вздрогнула. – У меня встреча, подожди в приемной пару минут, я закончу и мы поговорим.

- Хорошо, - все еще раздраженно, но все же согласилась она и спрыгнула со стола. – Надеюсь, ты действительно не

долго. Потому что я зверски устала.

Женщина по имени Луиза наклонилась, и, поцеловав мужчину в щеку, продолжая игнорировать Кэтрин, вышла из кабинета.

- Прошу простить мою супругу, Луиза весьма несдержанна, - он вновь пристально посмотрел на Кэтрин. – Но из-за вашего опоздания, я действительно не смог лично встретить ее. Поэтому, к сожалению, у меня нет времени на ваши объяснения. Вы мне не подходите.

Не дав Кэтрин опомниться, он встал и вышел из кабинета. Начиная осознавать, что теряет, возможно, последний шанс, Кэтрин вскочила и бросилась следом. Но оказавшись в приемной, она лишь остановилась у дверей, не зная, как все исправить.

- Джен, назначь на семь встречу с распорядительным комитетом, а на восемь пригласи Маргарет Томпсон, - велел он на ходу, направляясь к дверям гостиной, но проходя мимо сидевшей на диване дочери Кэтрин, остановился.

Несколько томительно долгих секунд разглядывая ее, он вдруг перевел изучающий взгляд на все еще замершую у дверей кабинета Кэтрин.

- Сэнджел, сколько мне ждать, - нетерпеливый голос Луизы вывел его из задумчивости, но, так и не обратив на нее внимания, он вновь спросил Кэтрин. – Зачем вы пришли сюда?

- Лорд Монрат, я понимаю, что не должна была так посту-

пать, но моя дочь…

- Мама! Ты опять?! – Эджей вскочила с дивана, но ее лицо тут же перекосило судорогой и она, словно подкошенная, рухнула на пол.

Сэнджел перевел взгляд на упавшую девушку и бросившуюся к ней мать. Девушку заметно потряхивало ритмичными судорогами, на тонких бледных губах выступила белая пена, а глаза закатились вверх. Кэтрин высыпала содержимое сумки дочери на пол и нащупала в ворохе тетрадей и учебников пластиковый футляр. Трясущимися руками она открыла его и, достав стеклянную ампулу и шприц, начала спешно набирать лекарство. Тем временем Джен уже подложила под голову девочки опустевшую сумку, а Луиза сочувственно склонилась рядом, сжав руками ладонь Эджей со сведенными судорогой холодными пальцами.

- Сэнджел! – Луиза подняла на мужа требовательный взгляд. – Может, сделаешь что-то?

- Зачем? – все также спокойно спросил он, не двигаясь с места.

- Зачем?! – еще больше возмутилась она. – Девочке больно, она же умрет!

- Нет, - холодно ответил он, - не сегодня.

Кэтрин, сделавшая дочери укол, при этих словах в ужасе подняла взгляд на отказавшего ей работодателя.

- Я пришла, потому что мне сказали, что только вы сможете ей помочь! – глотая отчаянные слезы, сказала она.

- У вашей дочери опухоль мозга, а я не волшебник, - сухо ответил он и повернулся, чтобы уйти, но ему наперерез кинулась Луиза.

- Монрат! – она схватила его за руку. – Девочке больно! Прошу тебя!

- Люди часто испытывают боль, и людям свойственно умирать, - он оторвал от себя ее тонкие руки. – Но эта девочка не умрет сегодня, это обычный приступ…

- Нет! – перебила его Кэтрин. – Это не обычный приступ, - она, умоляя, смотрела на Сэнджела. – У нее уже больше месяца нет обычных приступов. А лекарства почти не помогают…

- Сэнджел, прошу тебя, ты обещал мне, что в этом доме никто не будет испытывать страданий, - женщина в розовом платье положила ладони на его грудь и упрямо сжала губы. – Прекрати это, пожалуйста.

Он глубоко вздохнул, но все же обернулся назад. Эджей все-также лежала на полу, подрагивая от болезненных ритмичных судорог. Ее мать сидела рядом на коленях и не сводила с него затравленного взгляда. Джен, стояла рядом, виновато опустив голову.

- Лорд Монрат, простите меня, - робко произнесла Джен. – Кэтрин близкая подруга моей младшей сестры, которую вылечили в вашей клинике. Это я уговорила Кэтрин прийти на собеседование. Кэтрин продала дом, чтобы приехать сюда. Вы ее последний шанс. Пожалуйста, хотя бы осмотрите

девочку.

Сэнджел выслушал ее спокойно, но вся эта ситуация явно раздражала его. Наконец, он подошел к лежавшей на полу девушке и пристально посмотрел на нее.

- Останьтесь здесь, - велел он и взяв Эджей на руки, унес в кабинет.

- Все хорошо, - Луиза дружелюбно похлопала Кэтрин по плечу, пытаясь успокоить. – Я не знаю, что будет дальше, но сегодня твоей дочке больше не будет больно.

* * *

Эджей открыла глаза и не ощутила ничего. Судороги закончились, но и тела своего она не чувствовала. Она смотрела перед собой, но не могла даже просто повернуть голову. Она лежала на спине, справа от себя она видела кожаную спинку дивана, а вверху выбеленный потолок с плоским зеленоватым плафоном большой люстры. Она попыталась скосить взгляд влево, и краем бокового зрения зацепила сидевшего рядом человека в белой рубашке.

- Проснулась? - произнес человек и вместе с его голосом чувствительность вернулась в ее тело.

Она резко села, отчего голова слегка закружилась.

- Не стоит делать резких движений, - посоветывал он, не двигаясь с места.

- Да, кто вы вообще такой? – недовольно спросила она. – И где я?

- Это мой дом, ты пришла сюда со своей матерью.

Девушка настороженно прищурилась, пытаясь понять, что происходит. Она прекрасно помнила, как начался приступ. Но никак не могла понять, почему он закончился так быстро и почему сейчас у нее ничего не болит, даже голова, которая уже многие месяцы не переставая ныла, сейчас была чиста и свежа.

- Что вы сделали со мной?

- Ты знаешь, что у тебя в голове опухоль с перепелиное яйцо? – вместо ответа спросил он.

Девушка пренебрежительно фыркнула.

- Не удивили, - почти с вызовом сообщила она. – Я с ней уже давно сроднилась, еще с первого курса химии.

- И сколько курсов ты прошла?

- Два, какое это имеет значение?

- Для меня – никакого, - пожал плечами мужчина. – Для тебя тоже, но для твоей матери – существенное. Твоя опухоль не операбельна, ты умираешь.

- Ничего, еще побарахтаюсь, - Эджей встала с дивана и, не прощаясь, направилась к дверям.

Сэнджел, не спеша, поднялся на ноги и спокойно вышел вслед за девушкой в приемную.

- Мэри! – Кэтрин подскочила к вышедшей из кабинета дочери и сжала ее в объятиях.

- Мам, я просила не называть меня так! – девушка довольно грубо оттолкнула от себя руки матери и, схватив с дивана свою сумку, направилась вперед через гостиную к холлу. –

Я подожду у машины, - кинула она на ходу.

Кэтрин проводила ее взглядом и обернулась на Сэнджела.

- Я не знаю, как вас отблагодарить… - неловко заламывая руки, произнесла она. – Я прошу простить нас, что мы вот так пришли сюда…

- Вам нужна работа? – холодно перебил ее Сэнджел и, не дожидаясь ответа, отвернулся и пошел назад в кабинет.

Кэтрин, ничего не понимая, осталась стоять на месте, озираясь в растерянности. Но встретившись взглядом с Луизой, элегантно полулежавшей на диване, увидела легкую улыбку на ее гладком ухоженном лице. Луиза ей игриво подмигнула и кивнула в сторону дверей кабинета. Кэтрин на миг перестала дышать, но тут же сорвалась с места и почти вбежала во все еще открытую дверь.

Лорд Монрат тем временем подошел к своему рабочему столу и сел в кресло. Кэтрин подошла ближе и остановилась в метре от стола, не решаясь сесть сама.

- Кэтрин, ваша дочь умирает, - холодно и без прелюдий сказал он. – Судя по всему, у нее глиобластома, неоперабельная. В еще одном курсе химии нет никакого смысла.

Он замолчал, давая женщине возможность принять услышанное.

- Но… может, еще можно обследовать… - почти прошептала она, но сердце ее болезненно сжалось от сознания тщетности любых попыток.

- Нет. До сегодняшнего дня ваша дочь каждый день испы-

тывала боль…

- До сегодняшнего дня? – перебила его Кэтрин.

- Да, - подтвердил Сэнджел. – Я купировал болевой синдром. Эффекта от проведенной процедуры хватит, на день-два, и боль вернется. Если вы будете работать на меня, мы можем проводить такие сеансы каждый день. Это ничего не изменит, но даст ей около трех месяцев. Потом, я помогу ей безболезненно уйти. Вы же обязаны будете отработать на меня весь срок, согласно трудовому контракту. Если вас это не устраивает, я проведу другую процедуру, мы купируем болевой синдром на полторы, может быть, две недели. Вы сможете провести это время с дочерью так, как сочтете нужным. Когда боль вернется, она будет столь велика, что врачам придется ввести ее в медикаментозную кому, из которой она уже не выйдет.

- Неужели, больше ничего нельзя сделать? – женщина закрыла лицо руками, ее ноги подкосились, и она опустилась на край стула, возле которого остановилась.

- Решайте, я описал вам два возможных варианта, - Сэнджел неотрывно смотрел на женщину, но во взгляде серо-зеленых глаз не было и толики сочувствия.

Женщина надрывно вздохнула и, убрав от лица ладони, заставила себя посмотреть на Сэнджела.

- Если это возможно, дайте нам эти три месяца.

- Хорошо, - спокойно кивнул он. – Приведите себя в порядок. Мисс Джен устроит вас с дочерью и распорядится,

чтобы перевезли ваши вещи. Я много работаю, и вам придется работать не меньше. Контракт с вами будет заключен на десять лет. По истечении контракта, возможно его пролонгирование, либо контракт расторгается, но в этом случае вам придется переехать в мою северную резиденцию, где вы получите административную должность и пожизненное содержание. Подписывая рабочий контракт, вы подписываете также и соглашение о не разглашении любых аспектов моей работы.

- А моя дочь?...

- Разве она не обучается в школе при университете Верджe?

- Признаться честно, ее исключили сегодня, - дрогнувшим голосом сказала Кэтрин.

- Что ж, в ее состоянии учеба в школе уже ничего не изменит, она может постоянно находиться в имении.

- Лорд Монрат, мне не хотелось бы создавать для вас лишних проблем, - дрожащим голосом затараторила Кэтрин. – Но, если позволите, я бы все же попыталась устроить ее хотя бы в государственную школу. Ей сложно долго быть в одиночестве, а в школе хоть какое-то общение. К тому же, думаю, это будет хорошо для нее, если она сможет закончить школу…

- Не вижу в этом смысла. Но хорошо, этот вопрос решить не сложно, - Сэнджел встал, следом тут же поднялась Кэтрин. – До конца года будете работать вместе с Джен. Она

объяснит, в чем заключаются обязанности моего помощника.

Он поднялся из-за стола и прошел мимо Кэтрин.

- Ангел мой, я надеюсь, тебя здесь больше ничего не держит? – Луиза поднялась ему на встречу и, подойдя, обняла тонкими руками за шею и поцеловала в щеку.

Обняв жену за талию, Сэнджел обратился к своей помощнице.

- Мисс Джен, устройте Кэтрин Браун и ее дочь в южном флигеле, встреча с Маргарет Томпсон не актуальна. Распорядительный совет в семь, закажите машину на без четверти. Подберите материалы по оптическим прибором, о которых мы говорили утром, они понадобятся мне на встрече. Лекции по биоэнергетике перенесите на десять, в девять надо заехать к Гринсби. Машина должна быть в восемь-тридцать. После лекции, останусь на кафедре до двух. Подъезжайте к этому времени.

- Может, мне позвонить мадам Гринсби и объяснить ситуацию? - предложила Джен.

- Нет, она слишком упряма.

- Хорошо, - согласилась Джен, тщательно записав все распоряжения в блокнот. - А хирургический консилиум? - она подняла на Сэнджела взгляд.

- Завтра в шесть мой новый показ, - напомнила Луиза, даже привстав на носочки, чтобы заглянуть в лицо мужу.

- Я помню, - ответил он, явственно вздохнув. – Консили-

ум перенесите на среду, завтра в шесть мы должны быть на показе Мадемуазель Лу в отеле Шератон.

- Машину на без четверти? – уточнила Джен.

- Лучше на шесть, - лукаво улыбнулась Луиза. – Пусть подождут.

Глава 2.

Южный, жилой, флигель не был схож с северным. В отличии от одноэтажного офисного крыла имения, южное скорее походило на пристроенный к основному еще один самостоятельный дом. И хоть попасть в него можно было и из основного дома, оно все же имело, как и северный флигель свой отдельный вход. Устройством же крыло скорее походил на элитное общежитие. Большая общая кухня, отдельная гостиная, и несколько квартир, состоявших каждая из двух-трех небольших уютных комнат.

Семейству Браун досталась отдельная квартира на первом этаже, ближняя к прихожей. Кэтрин, вслед за Джен вошедшая в свое новое жилище, была приятно удивлена наличием двух отдельных спален и одной крохотной общей комнатой с небольшим плоским телевизором на стене, аккуратным холодильником и узкой барной стойкой с двумя высокими табуретами. На стойке стояла старенькая кофеварка и две фарфоровые чашки.

- Это ваши комнаты, - Джен передала Кэтрин ключ на медном колечке. – На каждом этаже по три-четыре кварти-

ры. Душ и туалет общие на этаж. Я живу на третьем. Общую дверь никогда не закрывают. Охрана на территории серьезная, бояться нечего, - она дружелюбно улыбнулась. - На вашем этаже кухня и столовая. В кухне работает бригада поваров, завтраки, обеды и ужины включены в рабочий контракт, так что на готовку тратиться не придется, - Джен подошла к барной стойке и открыла дверцу узкого шкафчика под ней. – Здесь есть небольшой запас кофе, чая и сахара. Если понадобится что-то еще, смело бери на кухне. Сегодня отдыхай, а завтра начнем работать.

Джен протянула Кэтрин внушительных размеров ежедневник.

- Лорд Монрат не признает электронных носителей информации. Он доверяет свои планы только бумаге. Здесь расписаны его обычные рабочие дни. Это мой ежедневник за прошлый месяц. Почитай вечерком, чтоб понять в общих чертах, что тебе предстоит.

- Хорошо, - Кэтрин натянуто улыбнулась.

- И не бойся. Постарайся абстрагироваться от внешнего и думай только о работе. Лорд Монрат весьма необычный человек, он строг и требователен. Но, как ни странно, с ним довольно просто работать. Его распоряжения всегда досконально точны, а указания крайне подробны.

- У меня от него мурашки по коже, - Кэтрин против воли вздрогнула.

- У меня сперва было также, - рассмеялась Джен. – Но ты

быстро привыкнешь. Главное, не ошибайся и будь исполнительна.

Она улыбнулась на прощание и уже отвернулась, чтобы уйти, но на пороге остановилась.

- Ах, да! Осторожнее с Луизой. Жена Монрата с виду приветлива и, в целом, добронравна, но все же, ты молода и привлекательна, а Луиза крайне ревнива. А тебе, так или иначе, придется много времени проводить с ее мужем.

- Хорошо, - Кэтрин понимающе кивнула.

- Отдыхай, я зайду за тобой утром, в восемь.

Кэтрин вслед за Джен вышла на улицу и, проводив ее взглядом, не спеша, направилась к беседке у северного флигеля.

Поместье Монрата было сравнительно небольшим, но вполне уютным. Относясь к викторианской эпохе, оно дышало нарочитой пышностью внешних убранств и строгой, но изящной красотой. Как и окружающую дом каменную ограду, так и большинство стен всех строений обвил своими зелеными сетями старый плющ. Сам же дом будто утопал в идеально ухоженном парке, с желтыми гравийными дорожками, великолепными кустами цветущих роз, лабиринтами зеленых живых изгородей, невысокими шарами плакучих ив и с безупречно разбросанными то тут то там изящными садовыми скульптурами, небольшими фонтанчиками для птиц, деревянными выбеленными арками и ажурной беседкой.

Кэтрин подошла к подвешенным в центре беседки каче-

лям и села рядом с дочерью.

- Мэри…

- Мам! – девушка гневно посмотрела на мать.

- Эджей, нам надо серьезно поговорить, - Кэтрин попыталась взять дочь за руку, но та отдернула кисть. – Знаю, что ты не в восторге от таких перемен, но эта работа очень важна для меня… для нас обеих…

- А, брось! Зачем вообще было так все усложнять? – она с вызовом посмотрела на мать и Кэтрин встретилась со слишком взрослым взглядом темно-серых глаз. – Думаешь, я идиотка и не понимаю? Да, я несовершеннолетняя и врачи предпочитают не делиться со мной подробностями, но книги и интернет никто не отменял. Приступы стали слишком частыми и длинными, значит мне не так уж и долго осталось. Так ради чего было продавать дом, ехать к черту на рога? Дома у меня хотя бы были друзья! А что здесь?!...

Она отвернулась, пряча слезы.

- Ты еще маленькая и не понимаешь, всегда есть шанс…

- На что?

Кэтрин замолчала, пытаясь подобрать нужные слова, но все, что она могла бы сказать, ей и самой казалось слишком страшным.

- Я очень тебя люблю, - наконец, тихо сказала она. – Этот человек, который взял меня на работу, он может помочь тебе не испытывать боль… до самого конца… Согласись, ведь одно это уже стоило того, чтобы приехать сюда?...

- Да кто он, вообще, такой? – давя в себе злость и раздражение, спросила Эджей.

- Его семья очень давно основала университет Вердже. Он сам - профессор этого университета. К тому же, как сказала Джен, он талантливый хирург, мало практикующий, но с ее слов, творящий настоящие чудеса в тех случаях, когда от пациентов отказывались абсолютно все врачи. У него своя больница и пансионат где-то на севере… Признаюсь, и его прогноз… - она судорожно вздрогнула, стараясь сдержать слезы, - относительно твоей болезни, не утешительный… но, вдруг, Джен права, и понаблюдав тебя некоторое время, он вынесет другой вердикт.

- Он слишком странный.

- Возможно, - согласилась Кэтрин. – Но, пожалуйста, если не ради себя, то ради меня, пока мы живем в его доме и я на него работаю, веди себя хотя бы просто сдержанно. Когда у тебя случился приступ, он смог его купировать. Если это случится снова, он единственный, кто сможет тебе помочь.

- Я поняла, - Эджей вздохнула.

- Пойдем, посмотрим, где нам предстоит жить? – Кэтрин старательно изобразила на лице беззаботную улыбку.

- Иди, я еще немного побуду здесь.

Кэтрин окинула сад неторопливым взглядом.

- Это же не самое плохое место, ведь так? Ну, согласись?

- Пожалуй, получше того притона, где мы жили последний месяц, - усмехнулась девушка.

* * *

Звук непрерывно льющейся воды, наконец, стих и на смену ему пришло шумное гудение фена. А спустя несколько минут в ванной воцарилась тишина, после чего дверь распахнулась и на пороге появилась стройная невысокая женщина в воздушном кружевном пеньюаре.

- Не спишь? – игриво спросила она, смотря на лежавшего в постели мужчину, сосредоточенно записывающего что-то в толстом ежедневнике.

- Нет, - спокойно ответил тот, лишь на секунду оторвав от своих записей взгляд. – Новый пеньюар?

- Да! Нравится? – довольно спросила она, покружившись. – Купила перед самым вылетом.

- Без него тебе лучше, - ответил он, еле заметно улыбнувшись.

- Сэнджел! Вообще-то, я купила его специально для тебя!

- Боюсь, мне он будет маловат, - он закрыл ежедневник и положил его на тумбочку. – К тому же, мне не идет розовый цвет.

- Ха-ха-ха! – воскликнула она и, подойдя к кровати, села на ее край. – Я так хотела тебя порадовать, а ты даже не соизволил меня встретить, - с притворной обидой заметила она.

- Фий-Этт, ты знаешь, у меня много работы.

- В этом столетии меня зовут Луиза, - она игриво улыбнулась. – Ну, или Мадемуазель Лу. Как тебе больше нравится?

- Мне нравится, Фий-Этт, - он взял ее за руку и притянул

к себе.

- Мне тоже, - она перевернулась к нему лицом и улеглась щекой на его плечо. – Но, чтобы вечность оставаться Фий-Этт, мне придется безвылазно сидеть дома, а это слушком скучно. Да и тебе, ангел мой, боюсь скоро придется задуматься о новой легенде. Ты становишься не менее публичным.

- Разве? – притворно удивился Сэнджел, и сам понимая, что двадцать первое столетие слишком быстро отнимало личную жизнь у любого, делая почти все достоянием общественности.

- Конечно! Ты знал, что твое фото появилось на сайте университета?

- С лекции?

- Что? – несколько растеряно переспросила Фий-Этт.

- Фото с лекции?

- Не знаю… да, скорее всего, - она нежно провела рукой по его чуть колкой щеке. – Ты на нем такой одухотворенный, явно что-то вещаешь своим студентам.

- Хорошо, завтра попрошу Джен проверить.

- Удалишь? – в ее голосе послышалось сожаление.

- Да, - он крепче прижал ее к себе.

- А мне то фото понравилось, - честно призналась Фий-Этт. – Я бы даже заказала для нас фотосессию, - будто прощупывая почву, добавила она.

- Нет, - Сэнджел ничего не сделал, но весь свет в спальне

погас.

- Ну, совсем маленькую, буквально пару-тройку снимков, - она лисой потерлась о его плечо.

- Нет, - спокойно повторил он.

- Ну, а завтра? На показе будут репортеры. Может, хоть один снимок? Ну, хоть в профиль?... Со спины?...

- Мадемуазель Лу, вы безупречны сами по себе, зачем вам омрачать свой прекрасный образ соседством на фото с таким старым брюзгой, как ваш муж?

- Может, я хочу смотреться еще выигрышней на твоем фоне? – едко предположила она, чуть отстранившись, демонстративно обидевшись.

Сэнджел ничего не ответил, но одним рывком вновь притянул Фий-Этт к себе и, перевернув ее на спину, нежно приник губами к ее шее. Поцелуй за поцелуем спустился до упругой небольшой груди и страстно, хоть и несколько грубо, сжал ее запястья руками, не давая перевернуться.

- Так нечестно! – игриво заявила она.

- А так?

Он на мгновение остановился и посмотрел ей в глаза. И тут же Фий-Этт почувствовала, как по телу пробежала легкая дрожь, и черные переплетенные линии на ее тонких руках засветились еле заметным неоновым светом. Сэнджел провел рукой по ее прохладной щеке. Черный магический рисунок на его руках также светился неоном. Фий-Этт глубоко вздохнула и позволила себе полностью расслабиться,

чувствуя, как ее сознание ускользает, сливаясь с сознанием колдуна.

* * *

Эджей неспешно допивала кофе, когда приятно шурша шинами по мелкому гравию дороги, под самыми окнами их новой квартиры проехала черная машина с наглухо тонированными стеклами, и плавно остановилась у парадных дверей. Водитель заглушил мотор, Эджей машинально кинула взгляд на телефон, часы показывали ровно восемь-тридцать.

Еще через пару минут открылась входная дверь и на пороге появилась ее мать.

- Эджей! Поторопись! Машина приехала, - Кэтрин суетливо подхватила с пола валявшуюся сумку дочери и кинула ей на колени. – Тебе нельзя опаздывать!

- С чего вдруг? – Эджей спрыгнула с высокого стула и, явно не разделяя волнения матери, направилась к двери.

- Я же говорила вчера, ты поедешь с лордом Монратом, он договорится о твоем восстановлении в школе… Быстрее! – она подтолкнула дочь в дверях. – И я очень прошу тебя, ради меня, будь сдержанней!

- Я подумаю…

- Эджей! – Кэтрин схватила дочь за руку и резко дернула, заставив повернуться к себе. – Мне казалось, мы все обсудили.

Девушка несколько секунд, упрямо поджав губы, смотрела на мать, но потом все же сдалась.

- Да, без проблем.

- Вот, именно! Пусть все будет без проблем.

Кэтрин отпустила руку дочери и пошла к машине, Эджей, не спеша, поплелась следом.

Ей было сложно хоть как-то охарактеризовать сложившуюся ситуацию, но одно она знала точно: добираться до школы автобусом ей было бы куда комфортней.

Кэтрин остановилась возле машины, когда же подошла Эджей, из дома вышел и сам лорд Монрат.

Увидев его впервые в приемной перед приступом и после, очнувшись в кабинете, она не особо имела возможность его рассмотреть, голову в тот момент занимали совершенно другие вещи. Сейчас же, понимая, что полчаса им предстоит ехать вместе в одной машине, в душе зарождался интерес, сродни любопытству.

Лорд Морат ростом был выше среднего, сухого, но вполне атлетического сложения. Бледное аристократичное лицо с пронзительно-острыми серо-зелеными глазами обрамляли пепельно-серые волосы, спускавшиеся чуть ниже плеч. Костюм, явно сшитый на заказ из дорогого темно-серого сукна, состоявший из прямых классических брюк, жилета и удлиненного сюртука, идеально дополняли рубашка цвета слоновой кости с немного небрежно расстегнутыми двумя верхними пуговицами и черные кожаные ботинки.

И довольно строгий, но в то же время изящный стиль в одежде, и расправленные плечи, и уверенная походка, и

пронзительные глаза – все это заставляло останавливать на нем взгляд. При этом, когда он прошел мимо, лишь слегка кивнув в знак приветствия Кэтрин, и сел в машину, Эджей осознала, что неплохо его рассмотрев, все же не сможет мысленно вспомнить его лица и вряд ли узнает, увидев в другом месте в другой одежде.

- Эджей, пожалуйста, будь умничкой, - Кэтрин поцеловала дочь и слегка подтолкнула ее к открытой водителем двери автомобиля.

Ничего не ответив, Эджей поцеловала мать в подставленную щеку и села в машину напротив лорда Монрата. Еще несколько секунд и, мягко заурчав мотором, машина тронулась с места.

Почти всю дорогу они ехали молча, сидя друг напротив друга. Лорд Монрат, что-то писал в ежедневнике, Эджей исподлобья продолжала его рассматривать. Наконец, собравшись с духом, она, отвернув, однако, взгляд в сторону, спросила.

- Что вы со мной сделали вчера?

- Тебя что-то не устраивает, - не отрываясь от ежедневника, спокойно, вопросом на вопрос, ответил он.

Она несколько опешила от такого ответа и перевела на него растерянный взгляд.

- То есть? – неуверенно переспросила Эджей.

Он еще несколько секунд спокойно дописывал что-то, потом, закрыв ежедневник, прямо посмотрел на девушку.

- Тебя что-то беспокоит или интересует медицинская сторона данного аспекта?

Такой вопрос заставил ее еще больше растеряться, но встретившись с ним единожды взглядом, она от чего-то не чувствовала в себе сил вновь отвернуться.

- У меня перестала болеть голова, - наконец, выдавила из себя она. – Вы что-то сделали с ней?

- С головой или опухолью? – всерьез переспросил он. – Нет, твоя болезнь никуда не исчезла.

- Но, голова не болит…

- Болит, просто ты этого сейчас не чувствуешь, - еще больше запутав ее, ответил он.

- Это как?

- В твоей голове, как в большинстве органов человеческого тела, есть нервные окончания. Если их отключить, мозг перестает получать сигналы, в твоем случае, бессмысленные.

- Почему бессмысленные?

- Потому что с помощью боли, нервные окончания сообщают твоему мозгу, что организм болен. Но разве он до этого был не в курсе происходящего? Так какой в этом смысл?

Слова лорда были до обидного логичны, но вместе с тем и предельно честны. Они заставили Эджей зло усмехнуться.

- Действительно, зачем мне самой себе каждый день сообщать о том, что я больна.

- Да, - спокойно подтвердил он. – Ты и так знаешь, что умираешь.

От этих слов она против воли вздрогнула. Еще ни один человек за всю двухлетнюю историю ее болезни, не говорил ей так просто и прямо о ее довольно скорой кончине.

- И вы так запросто говорите мне о том, что я скоро умру? – спросила она, намеренно стараясь разозлить себя.

- Все умирают, кто-то раньше, кто-то позже, - холодно ответил он. – С чего тебе быть исключением.

- Но, мне только семнадцать! – возмутилась она.

- Многие люди умирают, даже не родившись. Ты прожила семнадцать лет, уже неплохо.

- Да, вы циник!

- Я называю это честностью.

Машина замедлила ход и остановилась у тротуара, возле школы. Водитель вышел на клицу и услужливо открыл дверь. Лорд Монрат, будто забыв про свою спутницу, вышел из машины и направился к зданию школы. Эджей, поднявшись с места, кинула взгляд на оставленный своим хозяином ежедневник и, не успев даже задуматься над разумностью своих действий, сунула его в свою сумку и вылезла на улицу.

В это время школьный двор был полон учеников. И тонированная дорогая машина, мимо парковки проехавшая к центральному входу, не смогла не привлечь всеобщего внимания. А вместе с ней, внимание привлекла и Эджей, идущая вслед за резко выделяющимся из толпы учащихся лордом Монратом.

Стараясь сделаться незаметной, Эджей вцепилась обеими руками в наплечную лямку своей сумки и, низко опустив голову, ускорила шаг.

Когда они зашли в здание, обычно грубый и напыщенный охранник встал по стойке смирно и, на удивление учтиво, поклонился, приветствуя главного мецената школы. Но Монрат не обратил на него ровным счетом никакого внимания и, не замедляя шаг, прошел напрямик к кабинету директора.

При его появлении в приемной, мадам Уинстон, заменявшая заболевшего секретаря, вскочила на ноги, но не двинулась с места, так как Монрат уже уверенно распахнул дверь кабинета директора.

- Лорд Монрат! Какой приятный сюрприз! – воскликнула директриса, бросившись навстречу с протянутой для приветствия рукой.

- Доброе утро, мадам Гринсби, - он пожал протянутую руку и сел на стул возле стола.

- Чем обязаны столь неожиданному визиту? – тщетно пытаясь скрыть волнение, спросила директриса, усаживаясь на свое рабочее место.

- Мисс Браун, - окликнул он, застывшую в дверях Эджей. – Присядьте, - велел он, указав на соседний стул. – Мадам Гринсби, мне сообщили, что у вас с мисс Браун образовался некий конфликт. Так ли это?

- О… лорд Монрат, не думаю, что вам стоит беспокоиться из-за проблем с поведением наших бывших учеников…

- Я сам решу, когда и о чем мне стоит беспокоиться, - холодно прервал ее он. – Так вышло, что мисс Браун, дочь моего личного ассистента. И мне удобно, чтобы она обучалась именно в этой школе..

- Но я еще вчера подписала приказ об отчислении мисс Браун из-за многократных прогулов, асоциального поведения и неуважительного отношения к педагогам школы, - не желая сдавать своих шатких позиций, заявила директриса.

- Уверен, все это останется в прошлом. Мисс Браун приносит вам свои извинения и заверяет, что больше не разочарует нас. Не так ли? – он перевел взгляд на девушку.

Эджей встретилась взглядом с серо-зелеными глазами и по спине ее от чего-то пробежал легкий холодок.

- Да, обещаю, - не узнавая собственного вдруг охрипшего голоса, произнесла она.

Лорд Монрат удовлетворенно кивнул и поднялся.

- Думаю, у вас больше нет вопросов? – обратился он к мадам Гринсби.

- Нет, больше нет, - натянуто улыбнулась директриса. – Девочка может вернуться к занятиям.

- В таком случае, всего доброго, - он слегка кивнул и, выйдя из кабинета, направился назад к машине, оставив Гринсби сгорать от бессмысленного гнева.

Эджей чуть помедлила, но, лишь придя в себя, тут же бросилась следом.

- Лорд Монрат! – окликнула она, выскочив в коридор.

- Еще что-то? – спросил он, не останавливаясь, от чего Эджей пришлось почти бежать за ним.

- Я не спросила у мамы, как мне добраться домой после уроков. Она не дала мне денег на автобус, - смущенно промямлила она.

- Марвин заедет за тобой в три, машина будет ждать у центрального входа, не опаздывай.

Сказал он, так и не обернувшись. Эджей остановилась, провожая его взглядом. И лишь когда за ним закрылась дверь, она осознала, что в коридоре стоит почти полная тишина и десятки пар глаз учеников наблюдают за ней. Сердце предательски сжалось, а время, казалось, остановилось, но не на долго. Стоило ей опустить взгляд вниз и направиться к учебному классу, жизнь за ее спиной вновь забурлила. Сначала неуверенно, но с каждой секундой все громче, зашумели разговоры. И каждый в здании школы вернулся к своим делам.

Эджей почти бегом добралась до еще пустого класса геометрии и привычно уселась у окна на заднем ряду парт. Потихоньку класс на половину заполнился учениками. Девушки и юноши беззаботно переговаривались, а Эджей, сердито нахмурившись, смотрела в окно, когда кто-то сел рядом.

- Привет, - радостно поздоровалась с ней девушка, кудрявая брюнетка в очках. – Я Пайпер, мы с тобой вместе ходим на биологию, геометрию и литературу. Еще правда на физкультуру, но ты там редко появляешься, - она даже как-то

излишне задорно рассмеялась.

Эджей ненадолго перевела на нее взгляд и вновь отвернулась.

- Тебя вроде зовут Эджей? – брюнетка чуть наклонилась вперед, стараясь заглянуть в глаза своей молчаливой собеседнице. – Ты прости, если я назойлива. Просто ты недавно в нашей школе…

- И что? – довольно грубо перебила Эджей.

- Да… ничего… - немного смутилась Пайпер, но тут же вновь улыбнулась. – Я тоже пришла в середине года.

- Я за тебя рада, - бросила Эджей и, резко встав, закинула на плечо сумку и направилась к выходу из класса.

До начала урока оставалось еще несколько минут, так что ее уход не привлек особого внимания. Как не бросился в глаза и уход Пайпер, решившей почему-то последовать примеру своей новой знакомой, которая явно не была настроена на общение.

Эджей вышла на задний двор школы и направилась к стадиону. Пайрпер, словно тень, следовала по пятам.

- Ты-то чего за мной увязалась?! – раздраженно воскликнула Эджей, когда усевшись на угловую скамью верхней трибуны, заметила рядом надоедливую брюнетку.

- Ну, просто… - Пайпер замялась, но все же села рядом.

- Слушай, ты же типичная примерная девочка, - Эджей достала из сумки сигарету и, чиркнув кремнем зажигалки, блаженно затянулась. – Ты огребешь проблем, даже просто

сидя со мной рядом.

- Ну, - протянула Пайпер, смущенно улыбнувшись, - как ты верно заметила, я примерная девочка, так что, не думаю, что мне грозит что-то страшнее выговора.

Эджей в упор посмотрела на брюнетку.

- Чего тебе надо? – прямо спросила она.

Девушка еще больше смутилась, но взгляд не отвела.

- Я знаю, что у тебя проблемы с биологией, я могу помочь, - на одном дыхании выпалила Пайпер.

- С чего это?

- С того, что мы можем быть друг другу полезны, - брюнетка дружелюбно улыбнулась и заговорщицки наклонилась ближе к Эджей. – У тебя проблемы с биологией, а я хочу поступить в университет Вердже…

- А я-то тут при чем?!

- Ты сегодня приехала в школу с лордом Монратом, - Пайпер неотрывно смотрела на Эджей и во взгляде ее читалась пока еще хрупкая надежда. – Я, конечно, не уверена, что это был действительно он, но ты сама его так назвала, да и кто еще вот так просто смог бы прийти к Гринсби, - затараторила она. – Ведь это же действительно был он? Я же не ошиблась?... А он – глава распорядительного совета и приемной комиссии…

- Так в чем проблема? – прервала ее Эджей. – Закончишь школу, пошлешь документы в этот свой Вердже…

- Смеешься?! – Пайпер даже вскочила с места от удивле-

ния. – Ты хоть представляешь сколько стоит обучение там?! А бюджетных мест каждый год всего пять и на них конкурс просто бешенный! Но в конце года будет отчетная конференция по итогам олимпиады, на которой выберут двух абитуриентов из финалистов, которые получат стипендию распорядительного совета на первый год обучения. Я набрала нужное количество баллов на олимпиадах, но не прошла в финальный тур, мое эссе вернули с незначительными замечаниями, но я все исправила, и если я смогу добиться, чтобы Монрат его прочел снова, у меня появится шанс.

Брюнетка протараторила все это так быстро, что Эджей лишь скептически фыркнула, так и не уловив толком сути.

- Я этого твоего Монрата всего два раза в жизни видела, но точно тебе скажу, что ему до тебя никакого дела не будет, - она глубоко затянулась сигаретой и, закрыв глаза, выпустила изо рта облако густого белого дыма. – Думаю, ему вообще ни до кого нет дела.

- Ты хочешь сказать, что приехала с Монратом на его машине, он сам решил вопрос об отмене твоего отчисления и, при этом, ему ни до кого нет дела? – возмутилась Пайпер.

- Моя мама работает на него, только и всего, - Эджей равнодушно пожала плечами и затушила о скамью догоревшую сигарету. – Ему удобно, чтобы я днем торчала здесь.

Пайпер вновь села рядом и явно задумалась. Эджей запрокинула голову назад и смотрела в пасмурное серое небо над головой, размышляя о своем настоящем и будущем.

Еще пол года назад мать заставляла ее регулярно ходить к психотерапевту. Те встречи не делали жизнь Эджей лучше. Хотя, возможно, врач и не ставил перед собой такой цели. Но вместе с ним она пережила фазы отрицания и гнева, от души поторговалась, борясь за свою жизнь, и застряла где-то посередине, между бесконечной депрессией и принятием.

Очень много людей пыталось поддерживать ее на этом нелегком пути, мать, друзья, бесконечные врачи. Каждый из них уверял, что еще чуть-чуть и все изменится, еще совсем немного и она обязательно пойдет на поправку. А хирург, желавший предпринять год назад попытку удалить опухоль, рассмотрев тысячи снимков мрт, вместо того, чтобы признать тщетность любых попыток, жизнеутверждающе, как ему, наверное, казалось, заявил: «еще один курс химии и мы все удалим, и ты забудешь о своей опухоли, как о страшном сне»… Больше Эджей его не видела…

И только один человек на всем свете не пытался заигрывать с ее страхами, и прямо сказал – ты умираешь. Возможно, за одно это, его можно было бы попробовать узнать получше.

- Говоришь, разбираешься в биологии? – не глядя на Пайпер, спросила Эджей.

- Довольно неплохо, - подтвердила брюнетка.

- Окей, - Эджей посмотрела на собеседницу и, достав из сумки еще одну сигарету, вновь закурила. – С тебя зачет по биологии, а я попробую подсунуть Монрату твое эссе.

* * *

Марвин, как и полагалось личному водителю настоящего лорда, был невероятно пунктуален. Поэтому, забрав Эджей из школы ровно в три, в три-тридцать он уже остановил машину возле северного флигеля и, выйдя на улицу, услужливо открыл девушке дверь.

- Спасибо, - буркнула Эджей и направилась к южному крылу.

- Мадмуазель, ваша мама оставила ключ от вашей квартиры в приемной, - остановил ее Марвин, и когда Эджей обернулась, она увидела радушную улыбку на лице водителя. – Я отвез мисс Кэтрин с мисс Джен в университет перед тем, как ехать за вами.

Эджей неловко улыбнулась в ответ и, закинув школьную сумку на плечо, вернулась назад, быстро поднялась по ступенькам и открыла дверь.

Вчера, когда она впервые вошла в этот дом, раздражение и злость в душе помешали ей как следует все рассмотреть. Сейчас же, спешить было некуда, она прошла в гостиную и, остановившись у дверей, окинула неторопливым взглядом окружающее пространство.

Их новое жилье в южном флигеле ничем не отличалось от обычной городской квартиры, но остальной дом дышал смесью средневекового интерьера, приправленного аскетично-изящным современным дизайном. Дубовое покрытие полов, фарфоровые вазоны с живыми цветами, обсидиановые

скульптурные светильники, шелковые гобелены на стенах, все это удивительным образом идеально сочеталось с приземистым кожаным диваном, стеклянным журнальным столиком, металлической стойкой с мультимедийной системой и большим плоским телевизором.

А за гостиной была уже знакомая ей приемная с окнами во всю стену, прикрытыми тонкой вуалевой шторой.

Подойдя к столу, Эджей сразу увидела ключ на медном колечке, лежавший возле телефонного аппарата. Но взяв его и сжав в ладони, она не спешила уходить, взгляд ее не отрывался от высоких дверей кабинета. Не испытывая особых сомнений и, уж точно, не пытаясь себя остановить, Эджей положила ладонь на латунную ручку и нажав на нее, потянула дверь на себя. Дверь легко поддалась и беззвучно открылась, но еле заметный укол статического электричества, тончайшими иголочками защекотал пальцы девушки. Эджей отдернула руку, но тут же вновь осторожно дотронулась до желтого металла и ничего не ощутила.

Не придав этому значения, она лишь удивленно хмыкнула и пересекла порог комнаты.

Как и следовало ожидать, кабинет был пуст и обстановка в нем ничем не отличалась от той, что она видела вчера. Пара стульев, диван, журнальный столик, большой письменный стол и кресло и, разумеется, сотни книг в строгих застекленных шкафах.

Она подошла к столу и по-хозяйски упала в обтянутое

мягкой коричневой кожей кресло, небрежно бросив на стол свою школьную сумку. Оглядевшись вокруг, она заметила на столе невзрачную серую папку с аккуратной подписью на корешке «Кэтрин Браун».

Открыв обложку, Эджей притянула папку ближе и пробежала глазами по белоснежному листу, заполненному безупречно напечатанным текстом, перевернула страницу, потом следующую и так, одну за одной, до самого конца. Двенадцать страниц не просто резюме, но настоящей подробнейшей биографии. Здесь было все: от того, где ее мать родилась, обучалась, где работала и до того, откуда и когда исключали ее бестолковую дочь. Этот Монрат явно предпочитал знать о своих сотрудниках все, до мельчайших деталей.

- Да кто же ты такой? – вслух произнесла Эджей, отбросив папку на край стола и облокотившись на мягкую спинку кресла.

Она подняла взгляд вверх, на зеленый плоский плафон люстры и, оттолкнувшись ногой от стола, прокрутилась в кресле во круг своей оси. Когда кресло, сделав плавный круг, остановилось, Эджей без стеснения склонилась к ящикам стола, расположенным по правую руку и потянула за витую металлическую ручку. Ящик, не смотря на наличие замка, не был заперт и, легко проскользнув в деревянных полозках, выдвинулся вперед. Но ничего, кроме нескольких чистых листов бумаги и стопки пустых белых конвертов, Эджей там не обнаружила. Не было ничего интересного и в дру-

гих ящиках. Пара брошюр по медтехнике, несколько ручек и несколько папок с резюме других претенденток на должность личного ассистента.

Вернув взгляд на поверхность стола, Эджей торжествующе улыбнулась, вспомнив, наконец, про присвоенный ежедневник. Достав его из сумки она сперва рассмотрела обложку с изящным золоченым тиснением и, слегка прикусив от любопытства нижнюю губу, открыла там, где страницы были проложены перьевой ручкой, и тут же недовольно нахмурилась.

Явно знакомые буквы были выписаны идеальным, понятным почерком. Только, вот, сочетались они друг с другом в самых неожиданных формах. Эджей была далеко не полиглотом, но даже ее более чем скромных познаний о мировых языках вполне хватало, чтобы понять, написанное на страницах этого ежедневника вряд ли сможет прочесть кто-то кроме человека, написавшего это.

Эджей разочарованно нахмурилась и пролистала несколько страниц. Везде были те же самые буквы, в совершенно непонятных сочетаниях. В некоторых местах слова перемежались еще более непонятными схемами и витиеватыми символами.

- Окей, - протяжно сказала Эджей и медленно поднялась с кресла, положив ежедневник обратно в сумку.

Задумчиво вновь оглядевшись, она подошла к ближайшему книжному шкафу и потянула за ручку застекленной двер-

цы, но та будто приросла к полкам, не желая открываться. Эджей провела пальцами вдоль деревянной рамы, в поисках скрытого засова или задвижки. Их не было. Как не было замков и на других дверцах, но ни одна из них не пожелала открыться.

Она приблизила лицо к стеклу, силясь разобрать надписи на корешках книг, но и это не увенчалось успехом. Одни книги были подписаны странными символами, другие мелкими буквами, сложенными в неизвестные странные слова, третьи и вовсе не имели никаких опознавательных знаков.

- Что же ты за врач такой? – задумчиво пробормотала Эджей и вновь огляделась по сторонам.

В этом кабинете внешне все было слишком просто, слишком обычно, но вместе с тем, здесь явно таилось столько секретов, сколько и вообразить невозможно. Но в секретах этих почему-то очень хотелось разобраться.

Глава 3.

Когда в коридоре послышался яростный стук высоких шпилек Фий-Этт, Сэнджел лишь устало вздохнул и поднял взгляд на циферблат старинных напольных часов. Стрелки прискорбно сообщали, что он еще полчаса назад должен был вернуться домой, но вместо этого все еще работал над докладом для хирургического консилиума на своей кафедре в университете.

Наконец, стук замер, двери аудитории распахнулись и об-

ладательница каблуков-шпилек словно фурия влетела в зал.

- Ты же мне обещал! – с порога закричала Фий-Этт. – Почему же ты все еще здесь?!

Сэнджел спокойно отложил в сторону ручку и передал сидевшей рядом Джен стопку исписанных листов.

- Джен, передайте доклад Кэтрин, когда она вернется из архива, пусть напечатает.

- Да, конечно, - женщина убрала листы в пластиковую папку. – А фото для презентации?

- Подбери сама, из тех, что принесет Кэтрин. И проверь, возможно, она что-то упустит по неопытности.

- Разумеется.

- Да, - он уже повернулся к Фий-Этт, но вновь обратился к Джен, - попроси Кэтрин забрать у дочери мой ежедневник. Думаю, она случайно взяла его в машине сегодня утром вместе со своими вещами.

- Эджей? – удивилась женщина, но разумно не стала пытаться оправдывать девушку. – Я скажу Кэти.

- Хорошо, - Сэнджел спустился с кафедры и подошел к рассерженной Фий-Этт. – Прости, еще утром потерял ежедневник и весь день всюду опаздываю, - он поцеловал ее в щеку и, обняв за талию, потянул за собой в коридор. – Тебя привез Марвин?

- Разумеется! – все еще резко и несдержанно ответила она. – А ты и без ежедневника прекрасно помнил, про свое обещание! Просто признай, что ты снова хотел бросить меня

одну!

- Признаю, я предпочел бы не ездить сегодня в Шератон, но, - они вышли из здания университета и Сэнджел остановился возле припаркованного у главного входа автомобиля, - раз для тебя это столь важно, я сдержу свое обещание.

Он поцеловал ее затянутую в тонкую шелковую перчатку руку и помог сесть в машину.

Вскоре из здания университета показалась и Кэтрин с целой кипой пластиковых папок в руках. Завидев ее в дверях, Джен тут же подскочила и забрала у нее часть папок.

- Ну, ты и набрала! – воскликнула Джен. – Для презентации нужно было не больше двадцати фото!

- Я боялась что-то упустить, - Кэтрин смущенно опустила взгляд. – Я отобрала все фото, касающиеся нужной тематики, но хирургия не мой конек, - она неловко попыталась улыбнуться, встретившись с холодным взглядом Сэнджела.

- Джен, отбери по два-три фото на каждый раздел, этого будет вполне достаточно, - сказал он, садясь в машину.

Женщина кивнула и, ободряюще похлопав Кэтрин по плечу, подтолкнула к машине. Как только все расселись, машина плавно тронулась и, не спеша, выкатилась с территории университета на шоссе.

- Я, конечно, планировала опоздание, но не на полтора часа, - проворчала Фий-Этт, отвернувшись от Сэнджела. – И так всегда! С тобой невозможно о чем-либо договариваться!

- Я обещал, что приеду на показ, мы едем, - спокойно от-

ветил Сэнджел.

- Да, но мы не успеваем заехать домой!

- Это так критично? Ты хотела переодеться?

- Нет, - она перевела на него возмущенной взгляд, - я подготовила костюм для тебя!

- Спасибо, мне удобно в этом, - Сэнджел улыбнулся.

- Но серое сукно не сочетается с жемчужным шелком! – почти провизжала Фий-Этт. – К тому же сюртук никак нельзя назвать вечерним костюмом!

Кэтрин, сидевшая напротив четы Монратов, чувствуя невероятную неловкость, не знала куда себя деть и куда смотреть. Джен же будто и вовсе ничего не замечала, с абсолютно спокойным видом рассматривая проносящиеся за окном улицы. Не зная в чем обрести поддержку, Кэтрин украдкой подняла глаза и встретилась взглядом с Сэнджелом. Луиза Монрат продолжала что-то недовольно ворчать, но Кэтрин ничего не слышала, зачарованная невероятной глубиной и спокойствием сере-зеленых глаз. Не сводя взгляда с Кэтрин, Сэнджел одну за одной расстегнул пуговицы жилета и, сняв его вместе с сюртуком остался в одной рубашке.

- Так лучше? – спросил он, переведя взгляд на супругу.

- Терпимо, - все еще недовольно буркнула та. - Сможешь временно спрятать? - спросила она тихо, упустив многозначительный взгляд на свои руки. - Не хотела сегодня надевать перчатки.

- Конечно, - и она тут же почувствовала, как будто легкий

ток пробежал от запястий до локтей. - Оставь перчатки в машине.

- А ты? - она сняла высокие перчатки, оголив молочно-белую нежную кожу рук.

- Не переживай, никого и ничто не смутит, - заверил он, улыбнувшись. - Но не используй силы, вуаль непрочная.

Наконец, машина в последний раз повернула и въехала на ярко освещенную прожекторами улицу. Кэтрин приникла к окну и с восхищением охнула. Они подъезжали к отелю Шератон, здание которого слишком напыщенно выделялось на фоне по-деловому скупого городского пейзажа. Высоченные белоснежные колонны, подсвеченные желтыми огнями, соединенные массивным козырьком, окружали центральный вход. Зеркальные окна и двери сверкали отраженным светом прожекторов, мягкой подсветкой белоснежных стен и сотнями вспышек фотокамер. И множество богато одетых людей, мужчины в элегантных черных смокингах, женщины в вечерних платьях, толпились вдоль широкой ярко-алой ковровой дорожки, возле которой Марвин и остановил автомобиль.

- Марвин, отвези Джен с Кэтрин в поместье, - обратился к водителю Сэнджел.

- Конечно, лорд Монрат. Во сколько вернуться за вами?

- На сегодня ты свободен, мы доберемся сами.

Марвин кивнул и, выйдя из машины, открыл пассажирскую дверь. Сэнджел вышел из машины и подал руку Фий-

Этт. И как только стройная ножка в изящной жемчужно-серебряной туфельке ступила на ковровую дорожку, машину буквально ослепили нестерпимо яркие вспышки сотен фотокамер. Дверь автомобиля захлопнулась, но пока Марвин неспешно шел на водительское место, Кэтрин с интересом и восхищением наблюдала, как невысокая стройная женщина, затянутая в тончайший струящийся по телу жемчужный шелк вечернего платья, изящно-небрежно поправила идеально уложенные пепельно-серые волосы и под руку с мужем направилась к маняще распахнутым дверям отеля. На самом пороге они остановились и мадемуазель Лу обернулась к жадным до ее внимания репортерам. Она явно была довольна произведенным эффектом и наслаждалась каждым мгновением. Лорд Монрат же спокойно стоял рядом, и даже тень улыбки не тронула его лица.

- Хозяин не публичный человек, - заметив удивление на лице Кэтрин, сказала Джен. – Луиза же, напротив, всегда на виду. Чем, надо признать, невероятно усложняет мужу жизнь.

Машина тронулась с места, и Кэтрин, оторвавшись от окна, перевела взгляд на подругу.

- Это как же?

- Лорд Монрат после каждого такого выхода в свет тратит невероятную кучу денег, чтобы ни в одной газете, ни в едином даже самом маленьком издании, не появилось его фото.

- Зачем ему это? – еще больше удивилась Кэтрин.

Джен лишь пожала плечами.

- Думаю, есть причины. И наверняка весомые, раз он так поступает. Но за те двадцать лет, что я у него работаю, я не видела ни одного его фото. Для всего внешнего мира его будто и не существует. Он и в университете преподавать стал только полгода назад. Да и то, он ведет спецкурс и у него всего две лекции в неделю. В больнице он появляется редко, проводит не больше одной-двух операций в месяц. И пациентов он берет только тех, от кого остальные врачи отказались.

- И он спасает всех, кого берет, - спросила Кэтрин, не скрывая надежды в голосе.

- Нет, - Джен печально улыбнулась, - кому-то он помогает уйти.

- Каким образом? – голос Кэтрин стал совсем тихим.

- Не знаю, - честно призналась Джен. – Но эти люди до самого конца остаются в трезвом уме и ясной памяти и точно не испытывают боли, для многих уже это больше, чем то, на что они смогли бы рассчитывать в других клиниках.

- Да, понимаю, - Кэтрин замолчала и вновь обратила взгляд на окно.

Они давно уже выехали за пределы города и машина ехала по двух полосному шоссе через невысокие холмы, обрамленные вдоль дороги то невысокими каменными изгородями, то кустарником.

Еще через полчаса машина подъехала к уже знакомым вы-

соким кованым воротам и, дождавшись пока они полностью откроются, продолжила свой путь по песчано-гравийной дороге к южному флигелю, остановившись у самого крыльца.

- Ах, да! Кэтрин! – позвала Джен, когда они вместе уже поднялись по ступеням. – Лорд Монрат сегодня, когда подвозил Эджей в школу, оставил в машине свой ежедневник, но, когда вернулся, его там не было. Возможно, Эджей, случайно, взяла его вместе со своими вещами.

- Случайно? – дыхание Кэтрин перехватило от ужаса. – Как можно было взять случайно чужой ежедневник?!

- Успокойся, - Джен взяла ее одной рукой под локоть, а другой приобняла за плечи. – Даже если она взяла его намеренно, лорда Монрата это явно не разозлило. Так что просто спроси, и, если ежедневник действительно у Эджей, пусть вернет завтра утром.

Женщина ободряюще улыбнулась и открыла входную дверь. Кэтрин сердито поджала губы, но все же кивнула и направилась в свою новую квартиру. Но лишь оказавшись на пороге и увидев Эджей, сидевшую на высоком стуле за барной стойкой с чашкой чая и телефоном в руке, сходу воскликнула:

- Ты специально это делаешь?! – она резко захлопнула за собой дверь.

- Ты о чем? – удивленно нахмурилась девушка.

- Как ты посмела взять его ежедневник?! – Кэтрин словно скала нависла над дочерью.

- Да, господи, - ничуть не смутившись, хмыкнула Эджей, вновь опустив взгляд к экрану телефона, - просто сумку уронила, когда из машины выходила, и случайно взяла его, когда поднимала свои вещи.

- Случайно?! Ты хоть понимаешь, что творишь?! – выкрикнула Кэтрин в гневе и наотмашь ударила дочь по щеке.

Эджей выронила телефон и, схватившись рукой за ошпаренную болью щеку, отшатнулась в сторону. Сердце ее замерло, но глаза тут же заполнились влагой. Несколько секунд она смотрела на разъяренную мать, потом судорожно вздохнула и, оттолкнув ее в сторону, бросилась из комнаты.

- Эджей!...

Крикнула ей в след мать, но девушка, не останавливаясь, выбежала на улицу и, как была, босяком, побежала по гравийной дорожке в объятый вечерним сумраком парк.

Душу переполняли злость и обида, но вовсе не на мать. Своими поступками она давно заслужила подобное, и странно, как мать сдерживалась так долго.

Она была зла на себя, на свою жизнь, на весь мир, на всю эту невероятную несправедливость, обрушившуюся на нее два года назад. На врачей, на друзей с их вечно жалостливыми взглядами и бессмысленными предложениями помощи. На то, что еще вчера, живя с постоянной головной болью, она могла позволить себе упиваться хотя бы жалостью к самой себе, считая боль оправданием всех своих поступков. Но, сейчас, когда она чувствовала себя абсолютно здо-

ровой, нормальной, мысль, что слишком скоро все это кончится, терзала ее куда больше любой химеотерапии.

Эджей замедлила шаг и остановилась. Совсем рядом возвышалась увитая зеленым плющом стена основного дома, а чуть в стороне большие окна кабинета хозяина поместья.

Подойдя ближе, она прильнула к стеклу, чтобы заглянуть в сумрак комнаты, но окно легко подалось вперед, будто маня зайти. Даже не пытаясь задуматься, Эджей шагнула внутрь.

В кабинете царила тишина. Она прошла к столу и села в кресло. Положив руки на стол, она подтянула к себе искусно вырезанную из дерева подставку с канцелярскими принадлежностями. Две перьевые ручки с золотой инкрустацией, хрустальная чернильница, небольшие часы на поворотной штанге и тонкий острый нож для бумаг. Взяв нож, Эджей покрутила его в руке и лишь слегка тронула стальное лезвие, но на пальце тут же показалась тонкая ранка и выступила капля густой алой крови.

Словно завороженная смотрела она на быстро увеличивающуюся каплю, пока та не соскользнула с пальца и не упала на покрытую стеклом поверхность стола.

Как же просто было бы решить все вот так, одно резкое движение и кровь капля за каплей унесет из ее тела ставшую бессмысленной жизнь, а вместе с ней тоску и безысходность. Не надо будет каждый день прислушиваться к себе и думать, может сегодня?... Сейчас?... Или все-таки завтра?...

На мгновение ее пальцы перестали дрожать, в голове все мысли выстроились стройным рядом и, прислонив лезвие к своему левому запястью, она с силой резанула по тонкой бледной коже. И тут же яркая вспышка боли оглушила сознание, заставив ее истошно закричать. Не думая о льющейся из разреза на запястье крови, она рухнула на колени и обеими руками схватилась за голову, которую кто-то будто зажал в огромные тиски. А в следующий миг чья-то холодная рука сжала ее левую руку чуть выше разреза и, грубо потянув вверх, насильно поставила на ноги. Еще мгновение, и в глаза ударил яркий свет. Сквозь пелену слез она увидела стеклянную перегородку душевой комнаты и широкую белоснежную раковину рядом с собой. Даже не пытаясь осознать, каким образом здесь оказалась, она подняла взгляд и увидела перед собой явно недовольное лицо лорда Монрата.

Она попыталась отстраниться, но он вновь подтащил ее к раковине и, включив кран, сунул ее запястье под струю ледяной воды. Другой рукой развязал ботинок и, вытащив шнурок, перетянул им руку Эджей на ладонь выше все еще истекающего кровью запястья.

- Я не хочу, - из последних сил завопила Эджей и вновь попыталась вырваться. – Мне больно!

Но вместо того, чтобы отпустить, он повернул ее к себе, правой рукой взял за затылок и она встретилась взглядом с его холодными серо-зелеными глазами и с ужасом поняла, что перестала чувствовать свое тело. Казалось, даже дышал

ее легкими сейчас кто-то другой, ибо ничего кроме сознания у нее не осталось. Даже боли.

А спустя несколько секунд он отпустил ее, и она безвольно рухнула на каменный пол.

Несколько минут Эджей просто лежала на холодном, залитом ее собственной кровью полу, боясь даже пошевелиться. А Монрат, словно забыв про нее, подошел к раковине и, сняв испачканную кровью рубашку, бросил на пол, очень тщательно вымыл руки и вновь повернулся к Эджей.

- Решишь сделать это еще раз, делай не в моем доме, - холодно произнес он. – Идем, - велел он и вышел из ванной.

Эджей неуверенно поднялась на ноги и, держась за перетянутое обычным обувным шнурком запястье, послушно пошла следом.

Она никогда раньше не пыталась сделать того, на что решилась этим вечером и уж точно, она трезво отдавала себе в этом отчет, никогда больше не повторит.

Кровь еще сочилась из разреза, стекая по коже и падая на пол, оставляя за девушкой мрачный след до самого кабинета, куда она пришла вслед за Монратом.

- Садись, - не велел, но приказал он, указав рукой на диван возле журнального столика, и Эджей, боясь ослушаться, тут же села.

Он подошел к одному из шкафов и, открыв глухую нижнюю дверцу, достал объемный стальной кейс и, подойдя к Эджей, сел рядом.

С замершим сердцем она наблюдала, как он набрал в одноразовый шприц лекарство, сделал несколько уколов вокруг раны, заправил в изогнутую хирургическую иглу нить и быстро и явно умело сшил края раны на ее тонком запястье. И пока он шил, Эджей почти зачарованно наблюдала за каждым движением его уверенных рук. Но больше всего поразил ее совершенно невероятный, по крайней мере для человека его положения, черный рисунок татуировки извилистыми линиями то ли огня, то ли рунического орнамента, оплетший своей сетью его руки до самых локтей. И широкие шрамы, будто от сильных ожогов, на обоих запястьях.

Наконец, он завязал последний узелок и, обработав шов сверху какой-то полупрозрачной мазью, наложил чистую бинтовую повязку, и собрав все инструменты, подошел к столу, остановившись возле все еще ярко-алого кровавого пятна.

- Я все уберу, - прошептала Эджей.

- Сейчас я вызову к себе Кэтрин, - спокойно произнес он. – Пока ее не будет дома, переоденься. Ей не нужно знать о том, что ты сделала.

- Хорошо.

- Уходи также, как пришла.

Эджей кивнула и подошла к все еще раскрытому окну.

- Спасибо, - она буквально заставила себя поднять на него взгляд.

- Пожалуйста, - все также спокойно ответил он.

* * *

Когда она вернулась домой, матери уже не было. Сколько Монрат продержит ее у себя Эджей не знала, поэтому наспех схватила с кровати пижаму и почти бегом помчалась в общую на этаже ванную. Сразу при входе стояла большая стиральная машина. Не думая долго, она стянула с себя забрызганные кровью джинсы и майку, сунула в машинку и, заправив нужный отсек стоявшим тут же порошком, включила первую попавшуюся программу и вошла в душевую кабину.

Подняв вверх забинтованную руку, она включила душ и очень спешно дрожащей от волнения здоровой рукой принялась усердно намыливать себя куском душистого мыла.

Тщательно вымывшись, она выключила воду, медленно сползла по стене на кафельный пол душевой кабины и в ужасе закрыла ладонями лицо. Все произошедшее настоящим сумбуром прокручивалось в ее голове снова и снова. Она никак не могла понять, почему и зачем сделала с собой такое. Но еще непонятнее было, как Монрат так вовремя оказался рядом.

В коридоре громко хлопнула входная дверь, заставив Эджей вздрогнуть. Вспомнив про мать, она поднялась на ноги и вытершись белым чистым полотенцем, висевшим возле душевой кабины, надела пижаму с так кстати длинными рукавами с плотными эластичными манжетами.

После, она вернулась к их новой квартире и осторожно

открыла дверь. Мама сидела на стуле, явно в волнении ожидая возвращение дочери. Увидев ее, она тут же вскочила навстречу Эджей и крепко обняла.

- Прости меня, - прошептала она виновато. – Я не должна была…

- Ладно, мам, - Эджей чуть отстранилась и заставила себя улыбнуться. – Все в порядке, я действительно заслужила.

- Нет! – запальчиво воскликнула Кэтрин. – Я должна была поверить тебе, да и что собственно страшного случилось…

- Мам, - перебила ее Эджей, - я специально взяла тот ежедневник.

Кэтрин хотела возразить, но слова удивленно застыли на губах.

- Я просто злилась, я не думала, что у тебя могут быть из-за этого проблемы. Прости. Я верну его завтра и извинюсь.

Она отвернулась от матери и пошла в свою комнату, но на пороге остановилась.

- Прости, я не доставлю тебе больше проблем… ну, я очень постараюсь, - она грустно улыбнулась и, зайдя в свою комнату, закрыла за собой дверь и рухнула на еще неразобранную кровать.

Усталость разом навалилась на нее, к тому же после произошедшего она все еще чувствовала слабость и голова слегка кружилась. Она уже почти уснула, когда раздался осторожный стук и в приоткрывшемся дверной проеме появился подсвеченный силуэт матери.

- Милая, ты уже легла? Прости, что тревожу.

- Я еще не сплю. Что ты хотела, - Эджей заставила себя сесть в кровати.

- Завтра утром, перед школой, зайди к лорду Монрату, - попросила Кэтрин. – Он сказал, что тебе нужно провести процедуру, чтобы головная боль не вернулась. Хорошо?

- Да, конечно, - согласилась Эджей, невероятно удивив мать. – Во сколько?

- В семь тридцать.

- Хорошо, разбудишь меня?

- Да, - явно с облегчением сказала Кэтрин. – Спокойной ночи.

Она закрыла дверь и комнату вновь объяла ночная мгла.

* * *

Злости Фий-Этт не было никакого предела, когда в три часа ночи она вышла из такси представительского класса и подошла к дому. Она окинула взглядом окна, тусклый неровный свет виднелся лишь в высоких окнах кабинета Сэнджела.

Яростно стиснув кулаки, Фий-Этт решительно вошла в дом и сразу прошла к распахнутой настежь двери кабинета.

На появление супруги лорд Монрат, казалось, не обратил никакого внимания. Сидя за столом в кресле, он, не спеша, перекатывал по пальцам левой руки небольшой огненный шар, а в правой держал тонкий нож для писем. Еще несколько огненных шаров зависли под потолком, создавая прият-

ный приглушенный свет.

- Ты бросил меня. Снова, - произнесла она угрюмо, стоя в дверях. – Перед самым финальным выходом. Объяснишь? – она с вызовом подошла к столу.

Вместо ответа Сэнджел небрежно указал ножом на пол справа от стола. Фий-Этт опустила взгляд и увидела внушительных размеров пятно крови.

- И кого ты здесь убил? – саркастически спросила она.

- Наша юная гостья, дочь Кэтрин, решила распрощаться с жизнью, - намеренно не обращая внимания на тон Фий-Этт ответил он.

- И ты ей помог? – несколько зло поинтересовалась она.

- Смотря, что ты называешь помощью.

Сэнджел устало вздохнул и погасил в руке огненный шар.

- Мне вполне хватает своих проблем, Фий-Этт, - он поднялся и, бросил нож на стол. – Эта девочка умирает, она безнадежна. Идя у тебя на поводу, я лишь продлеваю ее агонию. Ты этого хочешь?

- Но ей же не больно, - Фий-Этт упрямо поджала губы. – Что плохого, если девочка проживет еще три месяца?

- Фий-Этт, я могу дать ей эти три месяца, но, если она вновь повторит, то, что сделала сегодня, я не стану ей помогать. И с ее матерью ты будешь общаться потом сама.

Она подошла к нему и попыталась обнять, но он отстранил ее руку.

- Не сегодня, я устал, - он прошел мимо. – Уберись здесь,

- велел он, уже выходя из кабинета.

- Хорошо, - смиренно ответила она и вновь опустила взгляд на испачканный кровью пол.

Не спеша, она прочла слова заклинания и изящно по спирали взмахнула рукой, и тут же черный магический рисунок вновь обплел ее тонкие руки. Поддаваясь воле колдуньи, перед ней материализовался небольшой воздушный смерч. Еще один взмах руки, и смерч опустился на пол и пятна крови начали исчезать на глазах.

Тщательно осмотревшись вокруг, Фий-Этт убрала все следы произошедшего в кабинете и все капли крови, оставленные по пути из кабинета в их спальню.

Когда она убралась и в ванной, Сэнджел уже лежал в кровати, уснув, против обыкновения, раньше нее самой. Не желая будить его, она прикрыла дверь и набрав большую ванну, разделась и легла в горячую, почти обжигающую воду.

Пожалуй, она устала не меньше Сэнджела. Устала от всего. От людей, от внимания репортеров, от вечной суеты, царившей вокруг нее последние несколько лет.

- Да, - она глубоко вздохнула, - наверное, с мадмуазель Лу пора попрощаться. Может быть, даже завтра… - она плеснула на лицо немного воды, - или в следующем месяце… - протянула она задумчиво.

Глава 4.

Утро встретило Эджей не ласково. И хотя мама очень

осторожно и нежно разбудила ее ровно в семь утра, события минувшего вечера жестоко напомнили о себе болью в перерезанном запястье и невероятной слабостью.

Кэтрин принесла для дочери с кухни заботливо приготовленный поварами омлет, заварила чашку крепкого чая и налила себе кофе.

- Эджей, поторопись, - крикнула она, сев за барную стойку. – Завтрак на столе, а у тебя осталось всего десять минут.

- Иду, - устало ответила Эджей и поставила на кровать объемную сумку с еще неразобранной одеждой. – Мам, а где моя джинсовая куртка? – спросила она, найдя в сумке лишь майки и три пары штанов. – Где коробка с остальными вещами?

- Да, зачем тебе? На улице тепло.

- А мне холодно, - буркнула под нос Эджей, обхватив правой ладонью ноющее забинтованное запястье.

Порывшись в сумке еще с минуту, она нащупала на дне старую байковую рубашку в совершенно ужасную синюю клетку. Но еще пару минут поборовшись с сомнениями, она все же встряхнула ее и натянула поверх белой майки и вышла из комнаты.

- О, боже, Эджей! Да, этой рубашке в обед сто лет! Ты же не собираешься идти в ней? – почти возмущенно воскликнула Кэтрин.

- Я не хочу завтракать, спасибо, - намеренно проигнорировав вопрос, сказала Эджей и, походя чмокнув мать в щеку,

подняла с пола свою школьную сумку и подошла к двери. – Может, перекушу чем-то позже, в школе, - добавила она, уже выходя из квартиры.

- Погоди! – Кэтрин догнала ее и сунула в карман рубашки пару купюр. – Обязательно поешь что-нибудь.

- Окей, - она улыбнулась и торопливо направилась в сторону основного дома.

Идти сейчас, да и вообще когда-либо, к Монрату ей совершенно не хотелось, но неотвратимость этого была слишком очевидной. Во-первых, боль, вернувшаяся вчера всего на пару минут, чуть не свела ее с ума. Во-вторых, в данных обстоятельствах не идти было просто невозможно. Разумеется, она даже не допускала мысли, что Монрат расскажет матери о ее неудачной попытке покинуть бренный мир, но почему-то она чувствовала непреодолимое желание оправдать свой поступок в глазах этого более чем странного человека.

Пройдя через еще пустую приемную, она положила ладонь на ручку двери и уже нажала ее вниз, но в последний момент сама себя остановила. Немного постояв и собравшись с духом, она подняла руку и пару раз негромко постучала.

- Проходи, - раздался из-за двери приглушенный голос.

Эджей открыла дверь и вошла в залитый мягким утренним светом кабинет. Монрат стоял спиной к ней возле одного из шкафов, явно выискивая что-то взглядом. Наконец, он

взял с полки на уровне глаз пару увесистых томов и, закрыв стеклянную дверцу, обернулся к все еще стоявшей на пороге девушке.

- Как себя чувствуешь? – спросил он, положив книги на стол.

- Нормально, - она пожала плечами, чувствуя себя против обыкновения невероятно неловко.

- Головная боль? Тошнота?

- Когда только встала, чуть мутило, сейчас нет.

- Хорошо, садись, - он указал на диван и взял со стола уже знакомый Эджей стальной кейс.

Она послушно прошла к дивану и, сев, предусмотрительно сняла рубашку. Он молча подошел, сел рядом, расстегнул манжеты своей рубашки и подвернул рукава. Потом одним уверенным движением срезал бинт и критически осмотрел розоватый шов.

- Сожми руку в кулак, - велел он, держа ее за запястье.

Эджей, преодолевая боль, сжала и вновь разжала пальцы.

- Сухожилия целы, тебе повезло, - скупо сказал он и, обработав шов антисептиком и покрыв полупрозрачной мазью, наложил новую бинтовую повязку.

Собрав инструменты и медикаменты обратно в кейс, он сразу убрал его в шкаф.

- Ложись, - велел он и, взяв стул, поставил рядом с диваном и сел. – Лежи спокойно, не двигайся и не сопротивляйся, - сказал он, когда Эджей неуверенно улеглась.

- А что вы будете делать? – чувствуя нарастающее волнение спросила она, но не дождавшись ответа, полностью потеряла контроль над собственным телом.

Монрат делал это с ней уже в третий раз, но и в первый и во второй раз она просто не успевала что-либо осознать. Сейчас же, в одночасье перестав чувствовать свое тело, все сознание ее мгновенно заполнила паника, а вместе с ней по нарастающей начала возвращаться боль.

- Не сопротивляйся, - повторил он явно недовольно, и положил прохладную левую ладонь на ее лоб, а правой взял под затылком. – Сейчас ты дышишь сама, сосредоточься на дыхании.

Она всеми силами попыталась сделать так, как он велел, но лишь почувствовала, как глаза наполнились влагой, и с каждой секундой страх все больше завладевал ее сознанием.

Монрат глубоко вздохнул, убрал от ее головы руки и чувствительность вернулась к ней и она тут же подалась вперед и села.

- Так не получится, - сказал он, глядя ей прямо в глаза. – Нам необходимо, чтобы ты оставалась в сознании.

- Мне страшно, - честно призналась Эджей, обхватив себя руками, будто желая стать меньше и незаметнее.

- Чего ты боишься?

Эджей неотрывно смотрела в его пронзительно-холодные глаза, но и сама не знала, как объяснить свой страх.

- Когда мне делали химию, меня лечило лекарство, - на-

конец, произнесла она. – Мне было все понятно.

- Если я вставлю тебе в вену иглу капельницы тебе будет спокойнее? – неожиданно усмехнулся он. – Я не собираюсь тратить свое время, объясняя тебе, что именно и как делаю, ты все равно не поймешь этого. Поэтому, ты либо делаешь то, что тебе говорят, либо уходишь и справляешь со всем сама.

- И боль вернется? – она против воли вздрогнула.

- Да, думаю, уже через пару часов, - холодно ответил он.

Эджей еще некоторое время молча сидела, потом глубоко вздохнула, закрыла глаза и заставила себя снова лечь. Несколько томительно долгих секунд и она перестала чувствовать свое тело. Не открывая глаз, она всеми силами пыталась думать лишь о своем дыхании, мысленно считая каждый свой вздох. Еще несколько секунд и одна прохладная рука легла на ее лоб, а другая взяла под затылком. На этот раз боли не было, но страх не уходил.

Через несколько минут Монрат убрал руку от ее лба и положил на середину груди. Она осторожно открыла глаза. Он все также сидел рядом, чуть склонившись над ней. Его глаза были закрыты, дыхание почти незаметно и только тонкая нить артерии явственно пульсировала на шее. В какой-то момент Эджей почувствовала невероятное тепло в области груди, под самой его рукой и насколько могла опустила взгляд. И она готова была бы поклясться в том, что увидела как черный рисунок на его руке еле заметно мерцал.

Она все еще завороженно смотрела на его руку, когда он медленно отпустил ее.

- Не вставай резко, полежи еще пару минут, - спокойно сказал он и, поднявшись, прошел к столу и сел в кресло.

Эджей послушно не двигалась с места, а чувствительность незаметно вернулась в ее тело. С удивлением она осознала, что чувствует себя сейчас на порядок лучше, чем еще полчаса назад. Голова невероятно ясна, дышалось легко и свободно, она была полна сил.

Полежав еще с минуту, она, не торопясь, села, надела рубашку и, взяв с пола свою сумку, подошла к столу, за которым сидел Монрат. Перед ним лежала раскрытой одна из тех книг, что он достал из шкафа перед ее приходом, и он неспешно переворачивал лист за листом, будто ища что-то в тексте.

Эджей развязала шнурок своей школьной сумки, достала от туда ежедневник в дорогом кожаном переплете и, пряча взгляд, положила на стол.

- Простите, я взяла его… случайно… - промямлила она. – Мама тут не при чем, не увольняйте ее из-за этого.

Она подняла на него почти затравленный взгляд и с удивлением увидела еле заметную улыбку на его явно уставшем лице.

- Хорошо, не буду, - ответил он спокойно.

- И простите за вчерашнее… не знаю, зачем сделала это… я не думала… и вообще…

Эджей замялась, неожиданно резко отвернулась, мечтая убежать, но вдруг вновь посмотрела на него.

- Просто все навалилось, - простонала она. – Ведь это нечестно! – она почувствовала, как по щекам потекли слезы и тут же стерла их рукавом рубашки. – На самом деле, я вовсе не хочу умирать!...

- Верю, - все также спокойно ответил он.

- Черт! – почти взвизгнула она. – Неужели, вы вообще ничего не чувствуете?! Вы же врач! Вы должны спасать людей, лечить!...

- Нет, не должен.

- Но… вы же, наверняка, спасли многих…

- Это не делает меня обязанным спасать всех.

- Тогда, почему вы помогаете мне?... – почти прошептала она, до боли закусив нижнюю губу.

- Я помогаю твоей матери, ей нужно время, чтобы тебя отпустить.

Эджей несколько секунд просто стояла, не отрывая взгляда от серо-зеленых глаз, потом резко отвернулась и быстро зашагала к двери.

- Да, идите вы к черту! – выкрикнула она и захлопнула за собой дверь.

Оказавшись на улице, она крепче сжала руками лямку своей наплечной сумки и, не глядя по сторонам, почти побежала к воротам.

- Эджей! Мисс!

Она остановилась и обернулась на голос у себя за спиной. Возле южного флигеля стояла заведенная черная машина, из открытого водительского окна на нее смотрел Марвин.

- Мисс Эджей, лорд Монрат распорядился отвезти вас в школу, - водитель тронулся с места и подъехал к застывшей возле ворот девушке. – Школьный автобус здесь не ходит, а пешком вам придется добираться слишком долго, - улыбнулся он, намерено не обращая внимания на красные от слез глаза Эджей. – Садитесь.

Эджей согласно кивнула и обойдя машину, открыла переднюю пассажирскую дверь.

- Можно? – спросила она, и Марвин приглашающе похлопал по сидению.

Эджей села в машину, захлопнула дверь и, пристегнув ремень безопасности, положила сумку на колени.

- Денек сегодня отменный! – почти восхищенно заметил Марвин, выруливая из ворот на пригородное шоссе. – Ночью прошел дождь и воздух такой свежий, не находите?

- Да, наверно, - буркнула она и отвернулась к окну.

- А обещали и сегодня дождь, - не унимался водитель, - а вот, на тебе, солнце с самого утра! Хоть загорай! Вы любите загорать?

- Не особо, - Эджей не настроена была на общение, но Марвин невероятно располагал к себе.

Марвин одухотворенно продолжал рассуждать о погоде, о летнем отдыхе, а Эджей внимательно его рассматривала. На

вид ему было около пятидесяти, грубые, явно мозолистые руки, изрядно тронутые сединой волосы, сеть морщинок вокруг глаз и радушная улыбка на лице.

- Марвин, а вы давно здесь работаете? – неожиданно спросила Эджей, прервав очередной рассказ о пользе и вреде солнечных ванн.

- Через пару месяцев будет семнадцать лет, - вновь улыбнулся водитель.

- А разве трудовой контракт заключается не на десять? – она подозрительно прищурилась.

- У кого как, - он спокойно пожал плечами. – Я начал работать сразу, как из больницы вышел.

- Из больницы? – переспросила она удивленно.

- Ну, да, - кивнул Марвин и, не отрывая взгляда от дороги, слегка отогнул ворот рубашки, обнажив длинный тонкий белесый шрам. – У меня была опухоль на щитовидке, все врачи отказались, а лорд Монрат взялся и прооперировал. Я с двадцати лет водителем на доставке работал, а как заболел, уволили. Все потерял, жена ушла. Благо хоть детей завести не успели, - он беззаботно усмехнулся. – А потом, по чистой случайности, узнал про клинику Вердже и пробился на прием. Несколько месяцев на процедуры приезжал, дом продал, машину, чтоб лечиться. А после операции возьми, да ляпни ему, что, хоть и потерял все, благодарен за второй шанс. Он и предложил работу. Точнее не он, конечно, - Марвин немного смущенно улыбнулся, - Джен позвонила, спустя пару дней.

- А Джен тоже давно у Монрата работает?

- Да, двадцать лет будет в сентябре.

- А она как здесь оказалась? – Эджей чуть подалась вперед, уже предвидя, каким будет ответ.

- Ее сестра, Люси, лечилась в Вердже, - ответил Марвин, уже поворачивая на парковку возле школы. – Люси сейчас поваром в имении работает.

- Какой-то этот ваш Монрат прям благодетель выходит, - скептически заметила Эджей отстегивая ремень безопасности.

- Нет, на самом деле, он очень многим отказывает, - Марвин отрицательно покачал головой, но тут же посмотрел на девушку и по-доброму улыбнулся. – Просто, думаю, предпочитает брать на работу людей, которые не станут задавать лишних вопросов.

- Понятно, - хмыкнула Эджей и вылезла из машины. – Спасибо, что подвезли.

- Не за что, - улыбка так и не сходила с искренне счастливого лица Марвина. – Вы закончите к трем? Я подъеду. Хорошего дня!

- И вам! – ответила Эджей и проводила взглядом отъезжающий автомобиль.

Когда черная машина скрылась за поворотом дороги, она отвернулась и направилась к зданию школы. Первый урок уже начался, но к счастью Эджей, первой была физическая культура, освобождение от которой ей выдали еще два года

назад, вместе со справкой о неизлечимой болезни. Но, тем не менее, она прошла к стадиону, поднялась на свое излюбленное место под ветвями старого клена на верхней скамье трибуны и, достав из сумки пачку сигарет, закурила.

Внизу, по прорезиненной дорожке, опоясывающей овал стадиона, бежали ее одноклассники, преподаватель залихватски посвистывал в свисток, подгоняя отстающих и даже выкрикивал что-то оскорбительно-вдохновляющее некоторым отдельным не особо старательным девицам.

В первых девичьих рядах, сразу за группой парней, бежала Пайпер. Брюнетка давно заметила появление своей новой знакомой, но как примерная ученица пробежала всю положенную дистанцию, прежде чем позволила себе подняться на трибуну.

- Привет! – радостно воскликнула она, без сил плюхнувшись на скамью рядом с Эджей. – Слышала новость? Мистер Макконахи чуть не уволился, когда узнал, что тебя так и не исключили, - она в голос захохотала. – Не представляешь, как он сегодня утром кричал в кабинете у Гринсби!

- Ну, что ж, - пожала плечами Эджей, - ему не повезло. Почетная миссия обучить меня биологии все еще лежит на его старческих плечах, - она глубоко затянулась и выпустила вверх густое облако белесого дыма.

- У него не было выбора, - хихикнула Пайпер и наклонилась ближе к уху Эджей. – Если я правильно расслышала, это сама Гринсби пригрозила ему увольнением, если он не

перестанет тебя задирать. Представляешь?!

- Приятно сознавать себя привилегированной особой, - усмехнулась Эджей и затушила сигарету о торец скамьи.

Пайпер села глубже на скамью и окинула Эджей придирчивым взглядом.

- Клетка опять вошла в моду? – немного с издевкой спросила Пайпер минутой позже и, когда встретилась с непонимающим взглядом Эджей, указала на ее почти выцветшую, сильно потертую на локтях рубашку.

- А!... Это так, - Эджей даже немного смущенно стянула с себя рубашку и, скомкав, засунула в сумку.

- А с рукой что?

- Порезалась, - буркнула Эджей и засунула левую руку под мышку.

- Порезалась? – переспросила Пайпер. – И сильно?

- Сильно! – недовольно бросила Эджей и, встав с места, направилась вниз с трибуны к выходу со стадиона.

- Да, ладно, тебе, погоди! – девушка одним махом перепрыгнула пару скамей и догнала новую знакомую у самого выхода. – Ну, порезалась и порезалась, что такого? Со всяким бывает.

- Бывает, - все еще ворчливо повторила Эджей, направляясь к зданию школы. – А всякие, бывает, ходят в душ, после занятий спортом.

- Окей, один – один, - Пайпер улыбнулась. – Приходи в столовую после следующего урока, поболтаем, - предложила

она.

Эджей не ответила, не обернулась, но на прощание подняла руку в символическом согласии. Поговорить с назойливой брюнеткой она и сама была не прочь. Поэтому, с горем пополам, высидев урок физики, она почти с наслаждением вошла в школьную столовую и окинула взглядом большой светлый зал, уставленный шестиместными столиками и почти полностью заполненный проголодавшимися учащимися.

Взяв с металлической стойки старый пластиковый поднос, она прошла вдоль раздаточного стола, остановив свое внимание на отварных сосисках и зеленой фасоли с сыром. Она как раз расплачивалась за завтрак, когда над залом, почти заглушая всеобщий гомон, раздалось:

- Эджей! Иди сюда, я заняла нам место!

Эджей обернулась на голос. В углу столовой, у самого окна, излучая неоправданно яркий позитив, привстав из-за столика, ей усиленно махала рукой жизнерадостная брюнетка.

- Ты специально привлекаешь столько внимания? – недовольно буркнула Эджей, поставив поднос на стол и сев напротив своей новой несдержанной знакомой.

- Внимание? Я?! – делано удивилась Пайпер. – Да, я самый скромный и неприметный на свете человек! – она в голос рассмеялась, и на мгновение Эджей показалось, что на них смотрит вся столовая.

- Ладно-ладно, - проворчала Эджей и воткнула пластико-

вую трубочку в пакетик с апельсиновым соком. – Можно и не орать так.

- Прости, - улыбка вновь озарила лицо Пайпер. – Я всегда волнуюсь, когда общаюсь с новыми для себя людьми, а когда волнуюсь, то и говорю громко.

Пайпер замолчала, некоторое время просто сидела напротив Эджей, без особого аппетита жевавшей фасоль, но вдруг резко наклонилась, схватила с пола лежавшую там школьную сумку и, водрузив ее на скамью рядом с собой, достала внушительных размеров учебник биологии и тонкую пластиковую папку синего цвета с прозрачной передней обложкой.

- Я принесла тебе свое эссе, готова заниматься? – решительно спросила она.

- Ты, смотрю, сразу в бой, - усмехнулась Эджей и захлопнула открытый Пайпер учебник. – А я, вот, никуда не спешу.

- Да, брось! До итогового зачета меньше двух недель!

- И что? – Эджей скептически закатила глаза. – Да чихала я и на Макконахи и на его любимую биологию. Я дала обещание не срывать его уроки. На большее я не подписывалась.

- А как же занятия? – лицо Пайпер в миг помрачнело и она с тоской посмотрела на папку со своим эссе.

- К черту занятия, но… - Эджей спокойно взяла папку и демонстративно убрала ее в свою сумку. – Рассчитаемся по-другому.

Девушка удивленно вздернула брови, ожидая разъяснений.

- Я хочу, чтобы ты собрала для меня всю информацию на Монрата, какую только сможешь найти. Кто он? От куда? Какое у него образование? Есть ли дети?...

Она еще не успела закончить фразу, а улыбка победителя уже сияла на лице Пайпер.

- Неужели ты думаешь, что столько лет мечтая попасть в университет Вердже, я этого еще не сделала? Да, я собрала все, что есть о нем в свободном доступе!

- Неужели? – Эджей даже не пыталась скрыть скепсис в голосе.

- И вот, что я скажу тебе, - продолжала тем временем Пайпер, - более закрытого семейства, чем Монраты, не сыщешь в целом мире.

- Если это действительно так, что же ты знаешь?

- Ну, - протянула девушка, задумчиво почесав черную макушку. – Семейство Монратов живет в нашем городе почти с самого основания. Знаю, что на севере страны, у них есть еще одно имение, но кроме фото их родового замка, никакой информации о нем нет. По слухам, там сейчас что-то вроде личного санатория. Но утверждать не буду. Сам же Монрат, как и все до единого его предки, судя по всему, абсолютный социопат. Все рабочие встречи он проводит либо в своем имении, либо в университете, либо в собственной клинике. Клиника небольшая, по профилю – онкология, но есть пациенты и с нервными расстройствами. Но опять же, клиника частная, дорогая, и все пациенты в обязательном по-

рядке подписывают соглашение о неразглашении методов и способов лечения. Несколько лет назад, кто-то из политиков предпринял попытку засудить Монрата и закрыть клинику, за незаконную практику, после того, как Монрат отказался брать на лечение его жену. Но, - Пайпер пренебрежительно фыркнула, - наш городок, по сути, только за счет Монрата и существует. Школу содержит он, полицию постоянно субсидирует, даже общественная больница работает только потому, что именно Монрат два года назад, сделал капитальный ремонт здания и закупил новую диагностическую технику. Наш мэр просто молится на него!

Эджей нахмурилась, пытаясь оценить полученную информацию.

- Не понимаю, - честно призналась она, - для чего ему все это. Ну, уж точно не из человеколюбия же он все это делает.

- Он весьма, вот, прям очень весьма, состоятельный, - Пайпер даже присвистнула и театрально закатила глаза. – И думаю, эта цена, которую он платит за невмешательство общества в его личную жизнь, для него не слишком обременительна…

- Кстати о личной жизни! – прервала Эджей. – А о нем самом хоть что-то известно?

- Практически ничего, - Пайпер разочаровано пожала плечами. – Знаю, что он женат на известной модельерше, Луизе Монрат, Мадмуазель Лу. Слышала?

Эджей согласно кивнула.

- Ну, так вот, по публичным данным, Луизе тридцать пять, женаты они с Монратом вроде как лет пятнадцать. Она почти всегда в разъездах, очень много путешествует, раз в два года выпускает новую коллекцию молодежной одежды. Буквально вчера в Шератоне был ее новый показ. Монрат, кстати, тоже был на показе, но недолго. Утром в газете писали, что он не остался на фуршет, а уехал перед самым финальным дефиле, около семи.

- Про это писали в газете? – удивилась Эджей.

- Ну, Луиза весьма эффектная женщина, и обществу крайне интересно знать, кто же сумел покорить сердце такой красотки. Только сделать даже один, самый крохотный, совместный снимок четы Монратов до сих пор ни у кого не вышло. Да и вообще, во всем интернете, нет ни одного его фото.

- Хорошо, что еще о нем известно?

- Уф… - протянула Пайпер задумчиво. – Да, собственно, больше ничего. Нигде нет информации, даже о том, где он учился, стажировался. Но при этом, я точно знаю, что он ведет хирургическую практику и преподает на старших курсах университета. Но! О нем известно хотя бы это, остальные его предки были еще большими затворниками, ни имен, ни регалий, только фамилия.

- Нет, - неуверенно произнесла Эджей, - ну, не бывает такого.

Она отодвинула от себя пустую тарелку и встала из-за стола. Пайпер тут же вскочила следом. Эджей уже направилась

к выходу из столовой, но неожиданно резко остановилась.

- Знаешь, а я могу немного дополнить твои знания о Монрате, - вдруг заявила она, на мгновение задумавшись. – Так вышло, что с недавних пор Монрат – мой лечащий врач.

- Ты болеешь? Серьезно? – взгляд девушки моментально стал из заинтересованного почти испуганным.

- Да, но не в этом суть, - отмахнулась Эджей, не имевшая никакого желания посвящать новую знакомую в подробности своего анамнеза. – Во время сеанса, он закатывает рукава и я вижу его руки.

- И что в этом странного?

- То, какие это руки, - она загадочно прищурилась и, достав из сумки тетрадь и карандаш, довольно схематически нарисовала руку по локоть и примерно изобразила рисунок татуировки. – У него обе руки, до самых локтей забиты татуировкой черной. Но это явно не просто рисунок. Может, что-то ритуальное, - Эджей задумчиво скривила рот и обвела в кружок запястье на своем рисунке. – А здесь, по кругу у него здоровенные шрамы, сантиметров по пять шириной.

- Шрамы? – Пайпер удивленно вздернула брови.

- Да, прям огромные рубцы, на обеих руках, такие, думаю, от ожогов могут быть.

- Что, тоже ритуальные, думаешь, - скептически усмехнулась Пайпер, рассматривая рисунок на тетрадном листе.

- Да, не знаю я! – чувствуя недоверие в голосе девушки, прошипела Эджей. – Только, вот, то, что он делает со

мной на сеансе… это… слишком странно! Я по полчаса лежу, словно парализованная, не чувствуя ни рук ни ног, а он просто меня рукой под затылком держит, а потом руку на грудь кладет, а от руки жар шпарит!

Пайпер непонимающе хлопала глазами, в упор смотря на явно взволнованную собеседницу.

- Может, он экстрасенс?

- Черт его знает, кто он, - зло бросила Эджей и направилась к выходу из столовой. – Это ты у нас мозг расследования, вот и думай, - добавила она, не оборачиваясь.

Глава 5.

Еле слышный стук вывел Сэнджела из задумчивости. Он поднял взгляд, в чуть приоткрытую дверь заглянула его новая рыжеволосая помощница.

- Лорд Монрат, - Кэтрин, наполовину оставаясь за дверью, будто прячась за ней, прижимала к груди стопку писем. – Вы просили не отвлекать вас, но только что пришел курьер, он доставил для вас срочные документы.

- Хорошо, Кэтрин, пройдите, - он закрыл и отодвинул в сторону ежедневник и взял из рук женщины стопку из четырех белых конвертов.

Бегло просмотрев письма, он остановил взгляд на немного помятом конверте с расплывшейся синей печатью на лицевой стороне и подписью «Комиссия по досрочному освобождению. Государственное исправительное учрежде-

ние «Грейсберг».

- Кэтрин, у вас надежная машина? Ей под силу проехать четыреста миль? – застав женщину врасплох, неожиданно спросил он, не отрывая взгляда от письма.

- Да, конечно, - тут же ответила Кэтрин, чувствуя, как сердце замерло от непонятного испуга.

- Тогда, я прошу вас оказать мне услугу, - он протянул ей письмо из Грейсберга. – В этом конверте, документы по досрочному освобождению одного человека. Мне крайне необходимо, чтобы выйдя на свободу, он сразу приехал сюда. Но, по понятным причинам, мне не хотелось бы, чтобы кто-то из прессы узнал об этом. Поэтому я не могу встретить его сам или попросить об этом Марвина или Дженн.

- Я не уверена, что…

- Кэтрин, это просьба, не рабочее распоряжение, - видя явные сомнения женщины, добавил Сэнджел. – Человек, которого я прошу встретить, мой сын.

- Но, такая поездка займет не меньше суток, боюсь Эджей…

- Ваша дочь вполне самостоятельная, разве нет? – напомнил он, ее же слова.

Кэтрин еще некоторое время молча стояла напротив стола, до боли сжав в бледных пальцах письмо, но все же сдалась.

- Хорошо, я встречу его. Когда нужно ехать?

- Он должен выйти завтра в одиннадцать. Лучше выехать

сегодня. Недалеко от Грейсберга есть небольшой отель, «Лагуна». Остановитесь там на ночь, а утром, забрав Майреда, сразу возвращайтесь сюда, постарайтесь нигде не задерживаться. - Сэнджел открыл верхний ящик стола и достал от туда кожаный бумажник и небольшую деревянную шкатулку с аккуратной стальной задвижкой, и поставил все это перед Кэтрин. – В бумажнике достаточно денег, чтобы покрыть все возможные расходы. Я прошу вас не пользоваться в этой поездке личными банковскими картами. На что бы вам ни пришлось потратиться, расплачивайтесь только этими средствами. Шкатулку передайте моему сыну, сразу как увидите его.

Кэтрин согласно кивнула, взяла бумажник и шкатулку, но все же отчего-то не решалась уйти.

- Это моя личная просьба, - еще раз повторил Сэнджел спокойно. – От того, выполните вы ее или нет, не зависит ваша работа и мое к вам отношение.

- Нет, что вы! – тут же заверила Кэтрин. – Я встречу вашего сына, не думаю, что с эти могут быть какие-то сложности…

Она заставила себя улыбнуться и вышла из кабинета.

Сэнджел глубоко вздохнул и, облокотившись на спинку кресла, закрыл глаза. Встретить Майреда из тюрьмы было пол дела, все сложности точно начнутся после его появления в поместье. Майред уже далеко не мальчик-воришка с ярмарки, и хотя он так и не удосужился достаточно развить свой дар, благодаря современным технологиям и цепкому

уму, его операции по незаконному отъему денег у населения стали поистине филигранными.

Майред почти ничего из украденного не брал себе, предпочитая оставаться свободным от материальных благ. Небольшая часть украденного каждый раз уходила его немногочисленным подельникам, остальное же он всегда возвращал. Украсть то, что по мнению владельца безупречно защищено и спрятано, для Майреда было чем-то вроде игры.

Иногда он заигрывался и попадался, но дело никогда не доходило до суда. Майред сбегал, но лишь для того, чтобы придумать новый план.

Однако, последнее его дело, казалось, перешло всякие рамки разумного, и, гранича с идиотизмом, впервые вынудило Сэнджела вмешаться. После кражи папирусного манускрипта из центрального исторического фонда, в результате которой, тот самый манускрипт безнадежно пострадал и уже не подлежал реставрации, Майреду, с учетом всех прежних заслуг, грозило до тридцати лет тюрьмы. Но, против обыкновения он не сбежал из-под стражи, и к тому же, при задержании признал себя Майредом Монратом. Судебный процесс обещал быть громким, резонансным и обязательно привлек бы слишком много нежелательного внимания к персоне Монрата старшего.

К счастью, Сэнджелу удалось вмешаться до того, как дело было предано всеобщей огласке. Состоявшийся между ним и Майредом разговор, не был приятным. Что само по себе не

удивительно, отношения отцов и детей в роду Монратов никогда не отличались теплотой. Но на этот раз Майред успел высказать отцу слишком много необоснованных претензий.

Сэнджел, зная непростой характер сына, однако, никогда не отказывался быть его наставником и обучить всему, что знал сам, ибо прекрасно понимал, чем грозит Майреду его раскрытый, но неразвитый колдовской дар. Майред же, всегда сбегал, упрямо не желая становиться тем, кем являлся его родной отец.

Но, идя на кражу манускрипта, несостоявшийся колдун, видимо, все же успел понять, что справляться со своей силой в одиночку и дальше просто не сможет, время учиться бесповоротно настигло его. Он сознавал, что придется просить помощи у отца, но все же Майред желал диктовать свои условия. И Сэнджел пошел на уступки, дабы не придавать публичной огласке скандал, связанный с родовым именем. По условиям сделки, сын давал слово спокойно отсидеть весь присужденный ему срок заключения под другим именем, отец же обязался открыть ему знание о том, как усмерить силу и научиться ею полноценно управлять.

И Майред вполне смирно отсидел восемь лет. Сэнджелу удалось добиться не только смягчения приговора до пятнадцати лет, но и возможности досрочного освобождения. И вот, час икс почти настал. Дальше жизнь обещала стать эмоционально значительно насыщенней.

Впереди оставался еще один шаг, на который Майреду

очень не захочется идти, но Сэнджел слишком хорошо понимал, что теперь, спустя восемь лет, у сына уже не будет выбора и не будет пути назад.

Кэтрин осторожно закрыла за собой дверь и, подойдя к столу, за которым сидела ее наставница, в задумчивости остановилась.

- Дженн, - позвала она, - ты же давно работаешь в этом доме? Ты знакома с сыном Монрата?

- Майредом? Да, конечно, - женщина лишь на секунду оторвалась от набора текста на компьютере, чтобы перевернуть очередной исписанный почти каллиграфическим почерком лист, и вновь уткнулась в экран монитора. – Тот еще авантюрист, но мальчик хороший, - она улыбнулась, не переставая стучать по клавишам клавиатуры.

- А ты не знаешь, за что он отбывал срок? – осторожно спросила Кэтрин, опустившись на стул рядом с Дженн. – Лорд Монрат попросил меня завтра забрать его из Грейсберга, - пояснила она свое любопытство, встретившись с удивленным взглядом Дженн, оторвавшейся от работы.

- О! Веселенькая поездка тебе предстоит! – она открыто рассмеялась, но тут же успокоила Кэтрин, - не переживай! Майред вполне себе обстоятельный молодой человек, но не будь слишком откровенна с ним, да и слушай его поменьше. Как я и сказала, он авантюрист и, к сожалению, вор, хоть и высокого полета. К тому же, он обладает уникальным да-

ром внушения. Поэтому, я бы, на твоем месте, неслась бы от Грейсберга сюда без остановок и слушала бы его в пол уха. Ведь, я так понимаю, тебя обязали доставить его в имение?

- Попросили, - поправила Кэтрин. – Но, разве я могла отказаться?

- Вполне! Уверяю тебя, лорд Монрат никогда не смешивает личное и работу.

- Даже если действительно так, ты же понимаешь?!... – Кэтрин отчаянно всплеснула руками.

- Понимаю, - тут же прервала ее Дженн и приобняла за хрупкие плечи. – Не переживай. Уверена, все будет хорошо.

- Посмотрим, - Кэтрин глубоко вдохнула и поднялась. – Мне совсем скоро надо уже выезжать. Но сначала я заеду за Эджей.

- Зачем? Марвин заберт ее из школы…

- Мне надо бы самой поговорить с ней, не думаю, что она обрадуется перспективе ночевать в одиночку.

- Так в чем проблема? Пусть пригласит подругу на ночевую, девочки это любят.

- Не уверена, что у Эджей есть подруги, - Кэтрин грустно улыбнулась. – Но идея хорошая. Я попробую предложить ей.

* * *

Эджей раздраженно сбросила очередной звонок матери и кинула телефон в сумку. Она, конечно, понимала, что мама на новой работе вряд ли будет уделять ей много времени, но она уж точно не могла ожидать, что та бросит ее в одиноче-

стве уже на третий день. И ей еще хватило ума предложить дочери пригласить на ночь подругу!

Ногой распахнув дверь, Эджей вышла на улицу и, достав из кармана пачку сигарет, закурила. Неспешно бредя от главного входа к дороге, она глубоко затянулась и плавно выпустила облачко сизого дыма.

- Слушай! – раздалось резкое за спиной Эджей и чья-то не самая аккуратная рука хлопнула ее по плечу, заставив вздрогнуть. – Вот, что я…

- Черт тебя дери! Пайпер! Ты ума лишилась что ли?! – зло воскликнула Эджей, оттолкнув от себя столь резкую и неуемную брюнетку. – Какого так наскакивать-то?!

- Прости, - девушка, казалось, ничуть не смутилась и как ни в чем не бывало пошла рядом с хмурой Эджей. – Я вот что подумала, если уж тут дело попахивает мистикой какой-то, а не изучить ли нам местный фольклор?

- То есть? – Эджей остановилась на краю дороги и затушила об урну сигарету.

- Ну, если все так, как ты рассказывала, и Монрат действительно обладает какими-то экстрасенсорными талантами, он, скорее всего, в своем роду не один такой. Наверняка, были еще какие-то знахари, ворожеи или еще кто. Надо изучить местные придания, сказки…

- Местные, это какие?

- У Монрата на севере страны есть родовой замок, я же рассказывала, надо искать информацию о тех местах.

- Ты говорила, что кроме фотографий никакой информации о нем нет?

- Нам о замке самом ничего знать и не нужно, мы местные сказки искать будем.

Эджей скептически вздернула брови, но, когда возле нее остановилась черная тонированная машина, решительно и безапелляционно заявила:

- Вот, сегодня и поищешь, поехали.

- Куда? – опешила Пайпер.

- Ко мне домой, в имение Монрата, - Эджей открыла дверцу машины и улыбнулась в ответ на приветственную улыбку Марвина. – Садись.

- Погоди! – почти взвизгнула брюнетка. – Я так не могу, мне же надо у родителей отпроситься!

- Позвонишь с дороги, - Эджей села в машину и требовательно посмотрела на Пайпер. – Да, господи! Ну, скажешь, что это твой шанс поговорить с Монратом насчет твоего поступления в Вердже.

Пайпер замедленно сглотнула, но все же, прижав к груди сумку, села в машину рядом с Эджей.

- Добрый день, - скромно поздоровалась она, когда Марвин, обернувшись к девушкам, улыбнулся.

- Добрый день, юные мисс, - Марвин учтиво кивнул и, вновь повернувшись к дороге, направил машину в сторону пригородного шоссе.

- Да, расслабься ты, - усмехнулась Эджей, видя, как Пай-

пер даже дышать перестала от волнения. – Сидишь, как на экзамене!

- Я не уверена, что это хорошая идея, - промямлила брюнетка, опустив взгляд. – Как-то неправильно заявляться в чужой дом без приглашения… да еще в такой дом…

Эджей уже в голос расхохоталась.

- Слушай, ну, я ж не в соседней комнате с Монратом живу. У работников отдельный флигель, и у нас с мамой там своя квартира. Хотя, - она, явно желая поиздеваться над подругой, хитро прищурила глаза и добавила, - чтобы выйти в интернет, нам надо будет сходить в его приемную. Но, сперва, все же пообедаем, - чуть сжалилась она.

- Боюсь, сегодня у вас вряд ли получится увидеться с лордом.

Пайпер подняла голову и встретилась взглядом в зеркале заднего вида с добрыми глазами Марвина.

- Я лично отвез лорда в клинику к полудню и он пробудет там до самого вечера, - успокоил водитель, и Пайпер облегченно вздохнула, а Эджей только еще громче прыснула со смеху.

До имения они ехали в полной тишине. Эджей привалилась к окну и, закрыв глаза, всю дорогу дремала. Пайпер все еще тревожно озиралась, выглядывая то в одно окно, то в другое, то и вовсе оборачиваясь назад.

Через полчаса машина повернула с шоссе и остановилась перед коваными воротами в оплетенном зеленым плющом

каменном заборе, еще пара секунд и она въехала на территорию имения и шурша колесами по мелкому желтому гравию подкатилась к южному флигелю.

- Спасибо, Марвин, - поблагодарила Эджей и вылезла из машины.

- Спасибо, - тихонько вторила ей Пайпер.

Проводив взглядом отъезжающий автомобиль, Эджей поднялась по ступенькам крыльца и позвала подругу.

- Ты так и будешь стоять на улице? Или, может, все-таки зайдешь?

Она распахнула входную дверь и вошла в коридор. Покопавшись пару минут в сумке, она отыскала небольшой ключ на медном колечке и открыла замок.

- Заходи, - Эджей по хозяйски ногой толкнула дверь и, не глядя, швырнув сумку на пол к стене, прошла в общую ванную, помыла руки и, вернувшись в квартиру, плюхнулась на высокий табурет возле барной стойки.

- А кто еще здесь живет? - последовав примеру подруги, спросила Пайпер.

- Вся прислуга, - пожала плечами Эджей. – Как я успела понять, пара поваров, две или три домработницы, пара садовников и несколько человек охраны… а, ну еще Марвин, конечно, и Дженн… ну, и мы с мамой. Пойдем, тут в доме общая кухня и вся еда в полном нашем распоряжении.

Эджей спрыгнула с табурета и направилась прямиком на кухню. Пайпер послушно пошла следом.

Кухня для такого дома была действительно внушительных размеров. Посередине располагался огромный стол со встроенными керамической варочной панелью и двумя духовыми шкафами, деливший кухню на зоны. С одной стороны от него, под широкими окнами, две раковины, две посудомоечные машины и над ними широкий разделочный стол, а у стены огромный холодильник и несколько высоких шкафов с разной кухонной утварью и продуктами. С другой стороны укрытый белоснежной скатертью овальный обеденный стол и восемь мягких стульев вокруг. На стене большой телевизор и невысокий комод под ним, уставленный несколькими горшками с цветущими пестрыми орхидеями, и даже пара уютных кресел по обе стороны от комода и небольшой диванчик напротив телевизора.

- А у вас здесь все по-домашнему, - улыбнулась Пайпер, присев на край одного из стульев возле стола.

- Не знаю, - с деланным равнодушием пожала плечами Эджей, подняв крышку, с одной из стоявших на варочной панели кастрюль. – По мне, так неплохо. А главное, всегда есть еда и ничего не надо изобретать.

Эджей взяла с крючка на стене половник и набрала в две глубокие тарелки еще горячее жаркое. Поставила тарелки на стол и по-хозяйски распахнула дверь холодильника. Еще пара минут и на столе появился салат из свежих овощей с зеленью и тарелка с хлебом и колбасной нарезкой.

- Наверняка, еще что-то есть, но и так уже весьма неплохо,

- она уселась рядом с Пайпер и улыбнулась, с удовольствием сунув в рот кусок мягкого хлеба.

- Меня дома ждали в лучшем случае спагетти с сыром, - скромно хихикнула Пайпер, тоже взяв с тарелки кусок хлеба. – Отец на сутках, а мама на работе до вечера. А если мама задержится, то и вечером максимум размороженная пицца из микроволновки.

- Ну, один из плюсов моей болезни, это хорошая и вкусная еда, - Эджей принялась за жаркое и даже закатила от наслаждения глаза. – Даже, когда мы с мамой по отелям скитались, она всегда ухитрялась добыть или сготовить мне что-то вкусное. Наверное, так выражается чувство неоправданной вины.

Пайпер замерла с ложкой во рту и неловко взглянула на внешне столь беззаботную подругу.

- У меня бла-бла-бла такая-то рассякая-то опухоль мозга, - легко прочтя во взгляде девушки давно ставший привычным вопрос, ответила Эджей. – Неоперабельная такая огроменная опухоль, и жить мне осталось два-три месяца и все такое прочее.

- И ты так легко об этом говоришь?! – Пайпер выронила из рук ложку.

- Ой, знаешь, наплакалась уже! – рассмеялась Эджей, но Пайпер отчетливо услышала в этом смехе беспомощность и злость. – Давай договоримся сразу, - наконец, перестав смеяться, Эджей прямо посмотрела Пайпер в глаза. – Мы ни-

когда и ни при каких условиях не начинаем обсуждать мое здоровье, если это не касается нашего маленького расследования. Сейчас я жива, прекрасно себя чувствую и меня ничего не беспокоит.

- А как же?...

- Стоп! – Эджей резко встала с пустой тарелкой в руках. – Чай? Кофе?

Пайпер отрицательно покачала головой и, смущенно опустив взгляд, принялась доедать жаркое.

- И правда, ну, его, чайник еще кипятить, - она поставила грязную посуду в посудомойку и распахнув один из кухонных шкафов, достала пакет с маленькими белыми зефирками.

Пайпер сунула последнюю ложку в рот и также убрала грязную тарелку.

- В большой дом можно пройти и через флигель, но я, честно говоря, здесь еще плохо ориентируюсь, - Эджей вышла из кухни и направилась прямиком к входной двери. – Через улицу проще. А если повезет, можно даже через кабинет Монрата.

- Ты что?! – Пайпер схватила ее за локоть, останавливая.

- Да, брось ты трястись так, Марвин же сказал, его до вечера не будет. Значит и Дженн с ним, наверняка, а маму мою Монрат куда-то отправил до завтра. Бояться нечего.

Эджей вышла на улицу и уверенно направилась по уже знакомым тропинкам парка к большому дому. Пайпер семе-

нила следом, постоянно опасливо озираясь.

- Нет, в разведку тебя брать нельзя, - заключила Эджей, остановившись возле приоткрытого высокого окна. – Ты своим видом будто специально спалить нас пытаешься.

- Может, не надо? – почти взмолилась Пайпер.

- Только не говори, что тебе самой не интересно? – Эджей толкнула от себя оконную створку и шагнула внутрь.

Пройдя к столу, она прыгнула в кресло и пару раз крутанулась вокруг. Когда она остановилась лицом к столу, Пайпер все еще испуганно стояла возле окна.

- От окна я бы, на твоем месте, все же отошла. Вдруг охранник мимо пойдет.

Пайпер охнула и тут же выбежала в центр кабинета.

- Да здесь же во всю стену окна! Пойдем скорее отсюда!

- Нет! – Эджей вздохнула. – В тебе нет ни грамма авантюризма. Даже и не знаю, можно ли доверить тебе наше расследование.

Она положила руки на стол и некоторое время хмуро смотрела на вздрагивающую подругу. Наконец, сжалившись, она встала из-за стола и направилась к двери.

- Скучная ты, - заметила она, выходя в пустую приемную.

Открыв верхний ящик стола, она вытащила рабочий ноутбук Дженн и, подключив его к сети, жестом предложила Пайпер сесть за стол, пододвинув для себя еще один стул.

- С чего начнем?

- Ну, давай сначала найдем замок Монратов, - Пайпер на-

жала кнопку обозревателя и быстро застучала по клавишам клавиатуры. – На севере страны несколько замков, но полностью сохранившийся лишь один. Вот, - она указала на экран, где открылась фотография довольно мрачного замка на поросшем лесом высоком холме и деревней у его подножья.

Замок, выстроенный из темно-серого, почти черного камня, имел мощную высокую крепостную стену, несколько смотровых башен с плоскими крышами и зубчатыми каменными парапетами, и в центре жилую часть из двух крыльев, увенчанную высокими тонкими шпилями в центре и по краям. Под фотографией значилась надпись «замок “Черный орел”, закрыт для посещений, принадлежит семье Монрат».

- И правда, если не вглядываться, похож на черную птицу в гнезде, - склонив голову на бок, пробормотала Пайпер.

- Да, брось, - Эджей с сомнением поморщилась.

- Ну, смотри, особенно здесь, - Пайпер открыла еще фотографию, сделанную с немного другого ракурса. – Видишь, замок за крепостной стеной, будто птица с раскрытыми крыльями.

- А, и пусть с ним, какая разница, на что он похож! – отмахнулась Эджей. – Давай ищи там про него, чего хотела.

Пайпер вновь застучала по клавишам, защелкала кнопкой мышки, то хмурилась, то нетерпеливо поджимала губы. Потом неожиданно схватила со стола чистый белый лист, карандаш и принялась что-то усердно выписывать.

Эджей, сидя рядом, покачиваясь на стуле, лениво наблю-

дала за мелькающими на экране картинками, фотографиями старых карт, текстами, но даже не пыталась разобраться в том хаосе, в котором ковырялась явно заумная брюнетка. Но, спустя почти час, она все же подтянула к себе ближе исписанный не самым аккуратным почерком лист.

- Сейчас, еще пару минут, - неожиданно звонко воскликнула Пайпер. – Ты только глянь! Вот, видишь… - она ткнула в очередную заметку на одном из сайтов, открытых на экране, но тут же опять что-то выписала на листок и вновь уставилась на экран.

Еще через четверть часа, когда Эджей уже потеряла всякое терпение, Пайпер в очередной раз щелкнула мышкой и, положив перед подругой исписанный лист, заявила.

- А ты знала, что за всю известную историю, на Черный орел нападали лишь единожды, и это при том, что лорды вокруг имения Монратов во всю друг с другом воевали?

- Разумеется, нет, - безразлично бросила Эджей. – Но что с того?

- Что с того?! – возмутилась Пайпер и с видом строгого преподавателя воззрилась на подругу, положив на стол сцепленные замком руки. – Посмотри, Северная пустошь, Старый Гайт, Южное болото, даже полуостров Вердже, все земли имели в разные года, согласно картам, разные границы! Значит местные лорды постоянно воевали друг с другом, то один лорд кусок у соседа оттяпает, то другой. А земли Черного орла на всех картах в одних и тех же границах. При

этом, в исторических сводках написано, что в пятнадцатом веке лорд Дариус потерял две трети своих войск, когда его сын пошел походом на Черный орел.

- И что удивительного?

- А то, что нет вообще ни одного упоминания, чтобы у Монратов были хоть какие-то войска.

- С чего ты сделала такие выводы.

- Вот, - Пайпер открыла на экране сайт с фотографиями исторических гравюр. – Здесь гравюры с образцами военного обмундирования и оружия за последнее тысячелетие. Археологи и историки находили образцы, предметы и военную утварь везде, и даже во владениях, принадлежавших ранее Черному орлу. Но на территориях Черного орла есть лишь образцы обмундирования с гербами других лордов.

- И что это доказывает? – все еще не понимая, куда клонит заумная брюнетка, спросила Эджей.

- Лишь то, что Монраты защищали каким-то образом свои земли, не используя человеческой армии.

- Может, они и тогда деньгами откупались?

- Это ж сколько денег надо! Нет, тут что-то другое, - Пайпер открыла еще один сайт. – Вот, к примеру, тот же летописец лорда Дариуса указывает: «нет большей ошибки, чем посягнуть на земли Черного орла, ибо чревато это многими скорбями и многими потерями». Вряд ли, летописец писал так, если б Монраты просто откупились от захватчиков. К тому же, именно в том сражении, Дариус и потерял две трети

войск, - напомнила Пайпер.

- Все равно, ничего это не объясняет, - упрямо заявила Эджей.

- Неужели ты не понимаешь, что здесь мистикой попахивает?!

- Да, пусть хоть воняет, - заявила Эджей, - понять бы какой именно.

- Ну, - сокрушенно развела руками Пайпер, - больше, чем есть в свободном доступе, мы все равно не узнаем.

Эджей откинулась на спинку стула и задумалась, но вдруг лицо ее озарила улыбка.

- Ты же у нас самая умная и все такое? – спросила она, поднявшись.

- Ты о чем?

- Пойдем.

Эджей направилась к двери кабинета, но Пайпер задержала ее за руку.

- В кабинете Монрата куча шкафов с книгами, только вот книги там какие-то очень уж странные, - пояснила Эджей открыв дверь и буквально втолкнув в кабинет подругу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.